
Татьяна ОКОМЕНЮК

РАССКАЗЫ

ЗВЕЗДА ЮТУБА

Мечтай осторожно. Ты можешь
это получить.

Марк Твен

Ромка Холодов по кличке Холодец весил сто сорок килограммов — уж очень он любил поесть, не зная в этом никакой меры. При своем небольшом росте парень выглядел почти квадратным — один в один Карлсон, только без пропеллера. Спортом он не занимался, подвижным играм предпочитал компьютерные, да и вообще не любил выходить из дому.

Будучи убежденным дауншифтером¹, профессию Холодов выбрал соответствующую — веб-дизайнер на фрилансе². Сидя с ноутбуком в банном халате, молодой человек создавал сайты для зубных и психиатрических практик, интернет-аукционов и салонов красоты, ресторанов и курсов личностного роста. За свой труд брал весьма умеренную плату, поэтому заказы у него были всегда. На скромные радости Роману вполне хватало, если учесть, что жил он на всем готовом у обожающей его бабули.

С родителями Холодов не ужился. Те все время его напрягали: то мусор заставляли вынести, то в комнате прибраться, то с Джимом во дворе погулять. А еще они его рано будили — часов в двенадцать-тринадцать — и не давали по ночам есть. Отец из подлости купил хрюшку-диетолога — чувствительного к свету игрушечного поросенка, который при открывании дверцы холодильника истошно визжал, сообщая всему спящему подъезду о Ромкином перекусе. Ну кто такое издевательство выдержит? Вот парень и попросил политического убежища у бабуки, крышевавшей его с самых пеленок.

Та с радостью согласилась. Жила она в собственном доме, и места для крупногабаритного внука у нее было куда больше, чем в двушке сына и невестки.

В страхе, что бабука передумает, последние в тот же день эвакуировали свое велико-возрастное чадо в частный сектор, погрузив в машину все его компьютерные причиндалы, музыкальный центр с караоке и одежды размером с танковые чехлы...

Татьяна Владимировна Окоменюк родилась в 1962 году в Днепропетровске (Украина). Окончила филологический факультет Тернопольского государственного педагогического университета. Публикуется в литературных журналах Германии, Австрии, России, Беларуси, Греции, Бельгии, Франции, Чехии, США, Израиля, Латвии, Украины. Автор 20 книг художественной прозы, изданных в Германии, США и России. Лауреат литературных премий имени: А. С. Грибоедова, А. П. Чехова, А. Т. Твардовского, Л. Н. Толстого, В. В. Маяковского, святого благоверного великого князя Александра Невского. Живет во Франкфурте-на-Майне.

¹ Человек, сознательно выбирающий меньшее количество работы и меньшие доходы ради жизни в свое удовольствие.

² Свободный работник, выполняющий отдельные заказы.

После родительского концлагеря для Ромки наступила настоящая вольница: жри сколько хочешь и когда хочешь. Гулять с бабкиным Дружком не надо, выносить и сортировать мусор тоже. Песни по ночам орать — на здоровье — напахавшаяся в огороде старушка спала как убитая. Режим дня? Когда проснулся, тогда и утро. В общем, филиал рая.

Бабуля тоже не могла нарадоваться на внука: «Не фулуганит, как Веркин Мишка. Не гоняет на мацацикле, как внук Егоровны. Не водится с торчками, как соседский Женька. Не изгваздан тотуеровками, как племянник Зинки-почтальонши. Не качается по наркологиям, как наследник Сидоровых. Сидит дома, играет с компуктером да песенки поет с кароокой. Золото, а не хлопчик».

Ромка и в самом деле любил петь. Не просто любил — умел. В школьные годы он посещал хоровую студию и даже был солистом. Правда, недолго. Вскоре на его место поставили стройного мальчика, который пел вполне прилично, но никак не лучше Ромы.

— Жрать нужно меньше, — изрек отец вместо утешения. — Ты ж ни в один костюм не влезаешь. Концерт — это не соревнования борцов сумо.

То же самое он повторил, когда узнал о мечте сына поехать в Москву на телешоу «Голос» и там победить.

— А как же Демис Руссос, Экшен Бронсон, Рори Грейем? — перечислял Рома родителю певцов-тяжеловесов. — Костюм тут не главное. Руссос, тот вообще выступал в балахоне, а стадионы ему аплодировали стоя.

— Где ты, а где Руссос! — удивился отец наглости наследника. — Забудь об этой идее, пока носишь шестьдесят последний размер.

— Хватит травить ребенка! — вмешалась в их спор бабуля. — Не слушай его, Ромчик. Ты обязательно поедешь в «Останкино», и тебя на всю страну покажут по телевизору — сердцем чую.

Бабулины слова врезались в память молодого человека, и теперь он мысленно видел себя в белоснежном концертном костюме с черной бархатной бабочкой на кадыке. Купающегося в овациях и свете софитов. Раздающего автографы поклонницам и интервью журналистам. Сгибающегося под тяжестью цветочных букетов. Бесящегося от назойливого внимания прохожих, норовящих исподтишка сфотографировать его своими смартфонами.

«Вот похудею к будущему году, закажу в ателье концертный костюм и сразу подам заявку», — мечтал парень. Но не так судьба велела. Через год весы предательски показали очередной набор массы. Какая уж тут фракная пара!

Холодов подошел к зеркалу. Оттуда на него затравленно смотрело приземистое бочкообразное существо, похожее на большой мешок с мукой. Хомячьи щеки, покрытые редкой щетиной, радовали глаз свекольным румянцем. Три выразительных подбородка плавно переходили в заплывшую жиром грудь. Та в свою очередь — прямо в брюхо, не позволявшее свести вместе полы халата, пошитого ему бабулей из махровой простыни. Приходилось подвязываться бельевой веревкой. Неэстетично, ясен пень, но где взять поясok длиной более двух метров?

Слоноподобные ноги парня были втиснуты в растоптанные стариковские тапочки. Неуклюжие ступни по-медвежьи заворачивались внутрь. «Вот где при такой анатомии раздобыть подходящие лакированные туфли в комплект к концертному фракку? — печалился Ромка. — Только шить на заказ, а это — бешеные деньги».

Если б не предстоящий конкурс, Холодец с одежками даже б не заморачивался. Кто его видит, кроме бабули, если он глаз из дому не кажет? Даже сходить в гости к родителям парню было лень, даром что их дом в десяти минутах ленивой ходьбы от частного сектора.

Не пошел он к ним и тогда, когда остался на хозяйстве один: бабуля на неделю отбыла в деревню к сестре. Не на хлебе с водой она оставила внука. Недельный запас провианта выглядел так: котел плова, ведро котлет, три запеченных с тыквой курицы, бочонок кислой капусты, две пятилитровых банки с маринованными огурцами и помидорами. Два противня жареной картошки и два песочного печенья, шесть мисок холодца из петуха, внушительный шмат сала, бидон куриного бульона с шариками из теста, тазик заливного из трески, два десятка яиц. Старушка была уверена, что в ее отсутствие Ромчик не оголодает, но она ошиблась.

На шестой день своего одиночества парень вдруг обнаружил, что и в холодильнике, и в погребе гуляет сквозняк. К родителям идти страшно не хотелось. «Отец, знающий о бабкиных припасах, будет издеваться, — не сомневался он. — Начнет обзывать удавом и Барабеком. Мамка его поддержит — они всегда заодно. Скорей бы уже бабуля вернулась, пока я тут с голоду не окочурился».

Ближе к ночи молодой человек совсем упал духом. Поскребя по сусекам, он нашел пакет с сухарями, пять кукурузных початков и мешочек подсолнечной макухи, которой бабка подкармливала кур и уток. Тем и удовольствовался.

Птичий же корм впрок парню не пошел. Всю ночь он проворочался в постели, прислушиваясь к резям в желудке и звукам урчания живота. К шести утра боли отступили, и Холодец уснул. Спал, по его меркам, недолго — до двенадцати. В полдень его разбудил дикий голод.

Ромка сел на кровати, призадумался. В магазин идти было в лом, кашеварить — тем более. Он в домохозяйки не нанимался. Достаточно того, что домашнюю птицу и Дружка всю неделю кормит, а сам помирает с голоду. «Господи, что мне делать?» — простонал молодой человек.

И тут — объявление по местному радио: «Китайский ресторан „Белый лотос“ устраивает скидочную неделю. „Утка по-пекински“ на двоих — всего шестьсот рублей. У нас вас ждут изысканные блюда, тихая музыка, бесплатный лимонад и комплимент от шеф-повара. Китай ближе, чем вам кажется!»

«Самое то! Спасибо, Господи, за наводку», — растянул Ромка в стороны толстые колбаски губ и, оторвав от кровати седалище, кинулся одеваться. После долгих безуспешных поисков вспомнил, что перед отъездом бабуля постирала все его одежды, а значит, они до сих пор сушатся во дворе.

Споткнувшись о подаренные отцом гантели, которые он использовал исключительно для колки орехов, парень ринулся за баню. Там на веревке, как паруса на ветру, колыхались его труселя, спортивные штаны, футболки с юморными принтами. Он протянул руку и вместе с прищепками стянул крайнюю, с надписью: «Хорошего человека должно быть много».

Мгновенно одевшись, Роман направился к скверу, разделявшему спальня район родителей и их с бабулей частный сектор. По периметру сквер был обнесен высокой чугунной оградой. Но кто-то когда-то умудрился выломать из нее несколько прутьев, как со стороны частников, так и со стороны спальников. С тех пор «одноэтажная молодежь» не тратила десять минут на обход парка, просачиваясь «в город» через образовавшийся лаз.

Пользовался им и Рома, но со временем делать это ему становилось все труднее, ведь с каждым годом парень раздавался в габаритах. Втягивая в себя необъятный живот, пыхтя и чертыхаясь, он выдавливал свою тушку сквозь прутья, как выдавливают из тюбика затвердевшую зубную пасту.

Казалось бы, смени маршрут, обойди тот сквер, не смехи народ. Но нет — Ромкина лень появилась на свет раньше него самого. Вот и в этот раз он чуть не задохнулся, продираясь из парка к ресторану, вокруг которого уже витали аппетитные ароматы.

С божьей помощью Холодец протиснулся на вожделенную территорию, отдышался и походкой, напоминающей поступь водолаза на суше, направился в «Белый лотос».

С хрустящей, порезанной на пятиугольные кусочки уткой и бесплатным лимонадом Рома справился достаточно быстро. А справившись, понял, что птица «по-пекински» ему что слону дробина. Вместо того чтоб утолить голод, она еще больше разожгла аппетит.

Тяжело вздохнув, парень придвинул к себе меню и углубился в изучение ассортимента. Вскоре перед ним на столе материализовались гора риса на огромной тарелке, двойная порция жареной свинины в кисло-сладком соусе и бамбук с грибами моэр.

Уверетенив все перечисленное, Ромка стал прислушиваться к звукам, доносящимся из желудка. Кишки по-прежнему играли голодные марши. Чтобы их успокоить, он заказал баклажаны в соевом соусе и свиные ушки. А там очередь дошла и до тончайших блинчиков из рисовой муки. Ах, какое удовольствие парень испытывал, когда макал их в сливовый соус и нес к своим крупным ярко-красным губам. Наконец он выдохнул: «Пожалуй, все!» — и стал срыгивать, выражая китайскую благодарность³ за съеденное.

Вместе со счетом молодому человеку принесли подковообразное ванильное печенье, внутри которого находилась бумажка с предсказанием будущего. Роман свято верил в приметы, гадания и гороскопы. Прислушивался к прогнозам экстрасенсов, цыганок и оракулов разных мастей. Так чем хуже китайцы, авторы одной из наиболее древних гадательных систем — «Книги перемен»?

В мгновение ока парень проглотил выпечку и поднес к глазам напечатанное мелкими буквами предсказание. Последнее гласило: «Загадай желание и жди. Ты почти у цели».

«Ну вот, даже китаезы понимают, что скоро я стану знаменитым, — мысленно ликовал Холодов. — И крутой концертный костюм тут совершенно ни при чем».

Крепко сжав бумажку похожими на сардельки пальцами, будущая эстрадная звезда закрыла глаза и произнесла вслух: «Желаю... стать известным на весь город. Нет, на всю страну. Чтобы меня снимало телевидение, а блогеры и газетные СМИ донимали вопросами о тернистом пути, приведшем к славе простого парня из глубинки. Хочу, чтобы все меня узнавали, делали со мной селфи, снимали ролики и запиливали их в инстаграммы, фейсбуки и ютубы».

Озвучив свои мечты и чаяния, молодой человек разжевал бумажку с пророчеством и проглотил ее, как это делают героини романтических кинокартин.

Домой Холодец возвращался в благодушном настроении. Сытый, довольный, окрыленный обещанными перспективами. Погода была чудесной. Приветливо светило мягкое солнышко. В сквере щебетали птицы и стрекотали кузнечики. На ленивом ветерке шевелили листиками деревья. Благодушную картину портили лишь чувство тяжести в желудке да ехидные взгляды прохожих, несогласных с Ромкиным девизом: «Хорошего человека должно быть много».

А вот и знакомый лаз. Привычным движением парень просунул за ограду правую ногу, затем правое плечо. Втянув в себя живот, он сделал рывок в сторону сквера и... застрял между прутьев. Прочно застрял. Попытки вырваться из капкана к успеху не привели. Набитый китайскими харчами живот не сдвинулся ни на сантиметр. От страха, что он навечно останется элементом декора городской ограды, Рома заревел. Сначала тихо, потом все громче и громче.

Потихоньку рядом с ним стали собираться зеваки. Молодежь откровенно издевалась над парнем, «отъевшим ТАКУЮ витрину». Покатываясь со смеху, ребята делали на его фоне селфи и снимали ролики для своих социальных сетей.

³ В Китае отрыжка — лучший комплимент повару. Она означает, что едоку все понравилось.

Никогда еще Рома не был так унижен. Он чувствовал себя зверем, попавшим в капкан. Причем не где-нибудь в лесу, а в зоопарке, где посетители имеют право глазеть на него, улюлюкать, тыкать пальцами, делать без его согласия фото.

Вскоре полгорода сбежалось посмотреть на застрявшего в ограде толстяка. Примчались вездесущие блогеры, явились голодные до сенсаций репортеры, подъехало местное телевидение. В толпе засверкали вспышки фотоаппаратов, загудела телекамера. Перед мокрой от слез Ромкиной ряшкой выросли диктофоны. «Против чего вы протестуете?», «Вы — член общественного движения „Молодежь против бюрократов“?», «Чего хотите добиться своим перформансом?», «Парковая ограда символизирует тюремную решетку?» — доносилось отовсюду.

Среди вновь прибывших оказались и вполне вменяемые люди.

— Отвалите от него со своим бредом! Не видите, что ли: Карлсон просто застрял в форточке, — стыдили они обнаглевших папарацци, пытаясь протолкнуть левую часть парня в сторону сквера.

От боли Холодов орал благим матом, но с места так и не сдвинулся. Тогда добровольные помощники притащили домкрат и попробовали растянуть в стороны чугунные прутья — не вышло.

Появление бригады муниципальной аварийно-спасательной службы заставило зевак отступить от ограды. С помощью гидравлического агрегата крепкие мужчины в синей униформе разрезали чугунные прутья и вытащили из западни уже посиневшего Холодца...

Опубликованное на ютубе видео с застрявшим в ограде парнем набрало свыше десяти миллионов просмотров и быстро стало вирусным из-за трехсот тысяч репостов.

Его популярность в родном городе могла сравниться с появлением порнозвезды в дивизионе, расквартированном в непроходимых джунглях. Холодову все улыбались, везде пропускали без очереди, просили о совместном фото.

Как и обещала внуку бабуля, в «Останкино» он таки попал, став героем телепередач «Видели видео?», «В тренде», «Бывает и так».

В общем, Рома оказался прав: крутой концертный костюм для достижения успеха далеко не самое главное.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС

Телефонный звонок и дверной —
Словно ангела два надо мной.
Опекают меня и хранят.
Все в порядке, куда зоняют.

Александр Кушнер

— Внемлю! — раздался в телефонной трубке хриплый мужской голос.

— Здравствуйте! Вас беспокоит сотрудник исследовательского центра «Демос» Яна Лыкова. Мы изучаем общественное мнение жителей области по направлениям: общество, экономика, образование, культура, религия... Приоритетной для нас является социальная сфера...

— Ну, и...

— Могу ли я задать вам несколько вопросов? Ваши ответы помогут улучшить работу социальных служб населенного пункта, в котором вы проживаете.

— Ага! Щас все бросят и кинутся улучшать. Засекайте время! — то ли засмеялся, то ли закашлялся мужчина. — А почему вы решили позвонить именно мне?

— Случайная компьютерная выборка телефонных номеров. Не пугайтесь — мы гарантируем вам полную анонимность.

— Я, деточка, уже давно никого не пугаюсь, и анонимность эта ваша мне побоку. Спрашивайте!

Яна ударила пальцем по клавише, и на мониторе ее компьютера возник перечень вопросов.

— Необходима ли лично вам социальная защита?

— А как же, — после некоторой паузы ответил респондент. — Я — инвалид-спинальник. Несколько лет назад получил повреждение позвоночника, в результате чего наступил паралич нижних конечностей. Прикован к инвалидному креслу и влачу серое, бессмысленное существование. Более двух лет я не видел ни белого света, ни свежего воздуха...

— Это как? — удивилась Лыкова, переворачивая песочные часы с временным интервалом в десять минут.

В трубке тяжело вздохнули.

— Родных у меня нет. После автомобильной катастрофы долго был в больнице. Затем — в реабилитационном центре. В конце концов меня усадили в инвалидную коляску и отправили по месту прописки. А прописан я в хрущевке-двушке на пятом этаже. Без лифта и балкона. Стаскивать на прогулку меня, стодвадцатикилограммового хряка, решительно некому. Да, если б и было кому, в подъезде нет съезда для коляски, а ступеньки очень крутые. Опять же, куда можно податься инвалиду в нашей тьмутаракани? Ни в автобусах, ни в аптеках, ни в магазинах нет никаких приспособлений для колясочников. Это вам не Европа, где даже уличные туалеты оборудованы специальными поручнями. Тюрьма, короче... Хотя нет, в тюрьме ээкам положена ежедневная часовая прогулка на воздухе...

— Жуть! И кто же вам помогает?

— Две бабки-соседки. Одна убирается раз в неделю да шмотье мое стирает, другая... себе готовит и мне заносит плошку своего варева. Развлекают меня зомбоящик да компьютер. Первый новости рассказывает, второй играет со мной в карты и шахматы. А вообще, чем ты старше, тем уже становится круг твоих друзей. В конце концов остаются самые преданные: тахта, холодильник и телевизор.

— А что же социальные службы?

— Да ну их, службы эти... Надоели мне их отписки да отмазки. Спасибо, что пенсию по инвалидности назначили да медсестру со шприцем на дом присылают — у меня ведь хронические боли... Впрочем, в той аварии виноват был я сам: за руль сел выпивши, вот и не сориентировался в дорожной ситуации...

— Если я правильно вас поняла, качество социально-медицинской помощи, оказываемой вам работниками местного социального учреждения, оставляет желать лучшего, — уточнила Яна, не сводя взгляда с тоненькой струйки песка, сочащейся в нижнюю колбу часов.

— Правильно поняли, деточка. У них на все жалобы и просьбы — универсальный ответ: «Нет родственников — оформляйся в богадельню!»

— А вы?

— Да замените расстрелом! На кой бес мне этот стресс?

«Печально это все, — подумала Лыкова, — лучше не доживать до преклонных лет, если ты болен, беден и одинок».

— Из каких источников вы получаете информацию о формах соцзащиты в вашем городе? — продолжила она опрос, пытаясь сдержать подступившие к горлу слезы.

— Из Интернета, откуда ж еще? Заглядываю иногда на сайт местной соцслужбы. Вдруг там появились какие-нибудь ништяки для инвалидов.

Мужчина захихикал, и его смех перетек в приступ неукротимого кашля.

— А теперь давайте заполним паспортичку, — стала закругляться Яна. — Ваш возраст?

— Шестьдесят лет. Будет... через неделю, двадцать первого числа, — уточнил респондент.

— Трудовая занятость... Это я уже заполнила. Семейное положение... Ясно. Доходы... Тоже понятно. Кстати, о доходах. Вы в какие-нибудь благотворительные фонды обращались?

— В целых пять! Везде получил отказ. В каждом называли свои причины, но суть одна — средств нет.

— Ладно, идем дальше: образование...

— Высшее. Я — инженер по эксплуатации малого холодильного оборудования. Вернее, был им когда-то.

— Место проживания...

— Райцентр Сидоринск.

— Ну, вот и славно, — вздохнула Лыкова с облегчением — весь песок уже перетек в нижнюю колбу. — Спасибо вам за помощь, э-э-э...

— Михалыч. Так меня все называют.

— До свидания, Михалыч! Здоровья вам, долголетия и... оптимизма.

— До свидания, Яночка. А... вы... мне еще позвоните?

Это был не столько вопрос, сколько просьба. Голос мужчины, тихий и жалобный, заставил ее проявить гуманизм.

— Как-нибудь позвоню, — пообещала она, совершенно не намереваясь этого делать.

Таких респондентов, как Михалыч, у нее было выше крыши. Все они норовили поговаривать на вселенскую несправедливость, черствость местных чиновников, неблагодарность своих отпрысков. Яне их было очень жалко, но на один звонок нормативы отводят не более пятнадцати минут. А как в них уложиться, если ее принимают за психолога «Телефона доверия» и, дорвавшись до свободных ушей, вливают в них все, что накипело на душе?

Поэтому по ночам она долго не может уснуть — хоть глаза зашивай. В мозгу, как заевшая пластинка, вертятся обрывки жалоб ее респондентов: «я Мерзликину третий год отбиваю поклоны в самые портянки, а пандуса как не было, так и нет», «невестка-шалашовка последние зубы мне выбила разделочной доской», «называет меня своей недвижимостью и ждет моей смерти, чтоб жилплощадь квартирантам сдавать и на эти деньги ширяться с такими же торчками, как сам», «внучок мой, лень баламутная, ни учиться, ни работать не хочет, сидит часами в тырнете и, знай, тычет пальцем в свой ыфон», «устроил в доме такую вакнахалию, что меня чуть кондратий не обнял», «на все мои возмущения отвечает: „Уйди, старуха, я в печали“»...

И так каждый день. Казалось бы, сидячая работа... Болтать — не мешки ворочать, но за время опроса Лыкова так энергетически истощалась, что по вечерам просто падала в кресло и тупо пялилась в экран телевизора.

Прошла неделя, и утром двадцать первого Яну будто молнией ударило: «Сегодня же — юбилей у Михалыча!» Придвинув к себе телефонный аппарат, она набрала номер своего недавнего собеседника.

— Внемлю! — отозвался уже знакомый ей надтреснутый голос.

— С юбилеем вас, дорогой Михалыч! Сегодня вам не шестьдесят, а шесть-ноль в вашу пользу. Дай вам бог всего, о чем вы мечтаете, и еще немножко лишку, дабы могли с кем-то поделиться.

Ответа не последовало.

— Алло, Михалыч! Это Яна Лыкова из «Демоса». Не признали, что ли?

— Признал, деточка, признал, — с надрывом в голосе произнес мужчина. — Спасибо, что не забыли старика. Я был уверен, что вы обещали позвонить исключительно из вежливости. Вот и растрогался.

— Надеюсь, сегодня я — первая из поздравляющих. Соседки еще не забегали?

— А вот и не первая. Первыми были гугл и «Билайн», потом — Сбербанк, мейл.ру и доставка пиццы. А за минуту до вашего звонка в ящик упало вот такое письмо: «С днем рождения! Желаем тебе здоровья, благополучия и счастья! Помни: мы очень тебя любим. Ты — самый лучший наш пользователь. Всегда твоя, Команда Игр Моего Мира». Такой вот нежданчик, — хрипло засмеялся Михалыч. Через секунду его смех перешел в кудахтанье, а затем — в приступ кашля.

Прислушавшись, Яна различила звуки компрессорного ингалятора, затем бульканье какой-то жидкости. «Принимает лекарства», — сообразила она, и сердце сжалось от сострадания к этому больному, не такому уж и старому дядьке.

— Михалыч, а у вас детей... никогда не было?

— Почему же... была дочка... когда-то. Но меня от нее изолировали.

— А расскажите!

— Да это... длинная история.

— Так мы вроде куда не торопимся.

— Ну, слушайте, коли охота. Женился я в двадцать девять лет на Аленке-красотке. Она жила в Воронеже, а я туда в командировку приехал...

— Ух ты! Я тоже там десять лет провела. Столица российского Черноземья, между прочим. Классный город!

— Вам виднее. Лично у меня эта «столица» вызывает лишь негативные ассоциации, — печально произнес мужчина. — Так вот, перевез я жену к себе, в Сидоринск. Вначале все у нас было нормально. Потом она стала хандрить: и райцентр наш ей скучен, и я — вечно в командировках, и соседи у нас — село без газа, и зарплата у меня — кошкины слезки... Через год Танька родилась. Я был несказанно счастлив: укачивал дочку по ночам, баловал, как мог. То поющий горшок ей из командировки привезу, то кожаную белую коляску, то ходунки с пропеллером. Хорошая была девчоночка: кудрявая, смешливая, умненькая. На меня очень похожа. И говорить рано начала, и ходить...

Когда малышке исполнилось полтора года, супруга моя совсем заблужилась: «По-едем с Танькой к маме, поживем у нее. Ты — в постоянных разъездах, я жутко устаю и срываюсь на ребенке. Мне нужен отдых». В общем, навешала мне на уши быстрорастворимой китайской лапши и уехала «из Едренефенева в приличный город». Тогда я даже представить себе не мог, что навсегда.

Позже выяснилось, что ее бывший возлюбленный вернулся из-за границы, куда его папаша отправлял на обучение. Несколько лет парень не писал Алене и не звонил, а возвратившись на родину, вдруг воспылал к ней любовью. Да так, что решил жениться и Таньку мою удочерить. Теща была двумя руками «за». Меня она считала неудачником. Ну да, куда мне до этого мистера Твистера! У него собственная фирма появилась, двухуровневая квартира в центре города, черный «мерседес»... Как можно упустить такое счастье? Оставалось только развод от меня получить да отказную от родительских прав.

Помчался я в Воронеж. Накупил дочке подарков, явился пред светлы очи жены и тещи. Встретили они меня доброжелательно. Подарки взяли, с дочкой в цирк отпустили, стол накрыли. Стали объяснять, что Танька нездорова, что ее нужно за границей лечить. Что этот... ее новый, вернее, старый готов взять на себя все расходы. Что обеспечит он ей счастливое будущее: образование за границей, собственный лом, до-

стойного мужа из своих, богатеньких. Что видется с Танькой я буду столько, сколько захочу... При этом все время подливали мне в рюмку коньячку.

Когда я уже наклюкался в дрезину, в доме появился не то нотариус, не то адвокат. Подсунул мне ворох каких-то бумаг, и я, псина сутулая, все подмахнул. Думал, развод супруге даю. Наутро Алена пообещала мне не подавать на алименты, ведь я буду часто к ним приезжать и привозить дочке подарки. На том и распрощались.

А когда я снова оказался в Воронеже, выяснилось, что среди прочих бумаг подписал тогда и отказ от родительских прав. Что Таньку этот кекс удочерил, поменяв ей фамилию и отчество. Что продал он все свое добро и исчез с радаров вместе с моими девками. По словам тещиной соседки, улетели они на ПМЖ в США.

Я — в милицию: «Ищите ребенка — украли». Те — к теще. Она им: «Алкаш он запойный, с белочкой на плече. Сам себя не помнит!» — и мой отказ от родительских прав на стол кладет. Оборотни меня за шкирман и пинком — в Сидоринск...

Приехал я домой и впрямь запил. Месяца три не просыхал. С работы, конечно, турнули. Какой из пьяницы инженер? Впал я в глубокую депрессию, потерял интерес к жизни. Валялся на тахте и выл. Долго не менял наволочку на Танькиной подушке, спал на ней, вдыхая ее запах... До сих пор не могу себе простить, что профукал дочку. Надеюсь, все у нее сложилось хорошо: заграница, образование, собственный дом, состоятельный муж, детишки... Я бы ей всего этого не обеспечил...

Лыкова отхлебнула из чашки глоток уже остывшего кофе.

— Ну, а дальше? Жены-дети у вас были?

— Имелись сожительницы, но они не выдерживали меня больше года, — крикнул Михалыч. — Характер у меня больно неуживчивый. Опять же, пьющий я. Денег — кот наплакал. Кому такое добро нужно? А уж после аварии... С посттравматическим психозом... Разве только из-за квартиры... Так я могу, чего доброго, еще лет десять прожить. Придется меня грибочками ядовитыми травить, грех на душу брать, хе-хе-хе... Ладно, хватит минора. Я уже и так злоупотребил вашим терпением.

— Что вы, что вы! — запротестовала Лыкова. — Вы очень интересный собеседник.

— Правда? — по-детски обрадовался он. — Тогда можно я сам вам позвоню? Обещаю: надоедать не стану.

— Записывайте номер, — улыбнулась Яна. Этот Михалыч ей определенно нравился.

— Так он у меня светится на табло идентификатора. Признаюсь вам честно, я еще в прошлый раз его запомнил. Так, на всякий случай.

Спустя пять дней в квартире Лыковой раздался телефонный звонок. Она, как обычно, щелкала кнопками телевизионного пульта, не задерживаясь ни на одном канале более трех минут.

— Добрый вечер, Яночка! Я вам не помешал? — робко поинтересовался Михалыч, услышав ее «алло». — Давал себе слово, что раньше чем через десять дней не побеспокою, но не выдержал... Скучаю я по вашему обществу... Голос ваш мне нравится, и вообще. Вы только дурного обо мне не подумайте. У меня к вам исключительно отцовские чувства...

Лыкова выключила телевизор, набросила на плечи плед.

— А я ничего и не думаю. Мне тоже нравится с вами общаться, — призналась она.

— Вы не будете возражать, если сегодня социологический опрос проведу я?

— Проводите, — хихикнула Яна. Ситуация ее явно забавляла.

Мужчина похрустел артрозными суставами пальцев и робко поинтересовался:

— Обязуетесь ли на все вопросы отвечать честно?

— Клянусь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, — расхохоталась Лыкова. — А вы — прикольный дядечка, с вами не заскучаешь.

— Ну так... — заважничал Михалыч, услышав похвалу. — Сколько вам лет?
 — Тридцать.
 — Семейное положение?
 — Бездетная холостячка.
 — Образование?
 — Высшее. Окончила местный университет.
 — Доходы?
 — Двадцать тысяч. Плюс солидная халтурка накануне каких-нибудь выборов.
 — Место проживания?
 — Ильинск. Собственная двухкомнатная квартира, доставшаяся в наследство от бабушки.

— А где сама бабушка?
 — Умерла восемь лет назад.
 — А родители, братья-сестры?
 — Родители и младшая сестра погибли в авиакатастрофе. Они жили за границей. Летели отдыхать на Каймановы острова. Их самолет упал в море при пролете грозовых облаков.

— А почему они летели на отдых без вас? Хотя... что я говорю, — смутился Михалыч. — Простите меня, ради бога.

— Да ничего страшного, — успокоила его Лыкова. — В тот момент я жила с бабушкой, в Воронеже. У меня с родителями были непростые отношения. Нет, я на них не жалею. Они нам деньги высылали и подарки... Но жить с ними я не захотела. Мама с папой в Наташке, сестре моей младшей, души не чаяли, а я их обоих раздражала. Походкой, глазами, внешней несхожестью с ними, характером, «дебильными» вопросами, типа «почему вы меня не любите?». В конце концов у предков лопнуло терпение, и я была депортирована к бабуле в Россию. Здесь и в школу пошла...

— Выходит, после смерти родителей вы стали богатой наследницей?

— Ничего подобного, — грустно усмехнулась Яна. — Стали разбираться с бумагами, и оказалось, что отец влез в какую-то аферу. Взял в банке большой кредит под залог своего добра и в конечном счете всем остался должен. Я в эти финансовые разборки даже не вникала, хотя тогда нам с бабулей пришлось довольно туго. После похорон папины родственники от нас совсем отгородились. Им никогда не нравилась моя мама. Брак сына с ней они считали вопиющим мезальянсом...

— А как вы в наших краях оказались?

— Так школу окончила, нужно было в вуз поступать. На бюджетное отделение — взятки заоблачные, а на коммерческое... откель у бабки трудодни? А тут соседка наша по лестничной площадке возьми да и скажи, что брат ее работает деканом факультета социологии в Ильинском университете. Бабуля ей в ноги: «Помоги сироте образование получить, век не забуду!» Помогла. Так я оказалась в местном унике. А общага для меня — лютий ужас. Неуживчивая я. Совсем как вы. Вот бабуле и пришлось поменять свою воронежскую квартиру на равноценную в Ильинске. Любила она меня очень и только за год до своей смерти призналась, что неродная я своему отцу. После этого мне стало все понятно. Он, мама и Наташка были одной семьей, а я... так — сбоку припека — напоминание об ошибке молодости. Нет, отец меня не обижал. Я была сыта, хорошо одета, занималась с репетиторами, ходила на баскетбол и народные танцы. Он не бил меня, не оскорблял, не наказывал. Просто... не обращал на меня внимания. Кому нужны чужие дети? Что интересно, мама тоже была ко мне равнодушна. Никогда не ласкала, не беседовала по душам, не целовала на ночь, как Наташку. В семье я чувствовала себя лишней, поэтому всегда рвалась к бабуле.

— Искать родного отца не пытались?

— Ни к чему это. Если б он хотел меня найти, давно бы уже нашел. Я всегда удивлялась детям, которые разыскивают бросивших их родителей. Найдя их, бедняги сильно разочаровываются. Оно и понятно: нормальные люди не выпускают своих чад из поля зрения. А ненормальные — алкаши, нарики, кукушки и прочие неадекваты — кому они нужны? Из них родители как из ежика стельки. Лучше их никогда и не знать.

Михалыч недовольно закричал. Он был не согласен с доводами собеседницы, но возражать не стал.

— У каждого — своя правда, — сглотнул слюну мужчина. — Э-эх, был бы ум бы у Лумумбы... сидел бы я сейчас в окружении внуков и учил бы их разуму. Одиночество, Яночка, — самое страшное, что может случиться в старости.

— Бывают вещи и пострашнее...

— Нет, деточка. Потребность в коммуникации ни с чем не сравнима. После кораблекрушения одинокий человек мог бы продержаться на острове не меньше месяца, но погибает почему-то на третьи сутки. Это смерть не столько от истощения, сколько от ужаса изоляции от внешнего мира, оторванности от людей, — расфилософствовался Михалыч. — Ой, кто-то в дверь ломится! Ах да, это сестра милосердия. Ща ширнет меня от всей души, и я «отъеду» в nirvanу кайф ловить. Жаль мне с вами прощаться. Ей-богу, жаль. Мы ведь с вами еще продолжим нашу беседу об одиночестве?

— Непременно, — заверила его Лыкова.

Две недели подряд она ждала звонка, потом сама набрала номер Михалыча. К телефону никто не подошел. Яна повторила попытку на следующий день: утром, вечером и даже ночью — полная тишина. На третий день она так разволновалась, что собралась уже звонить в сидоринскую патронажную службу, но Михалыч вдруг сам отозвался.

— Я не пропал, я в больницу попал, — прошелестел он бесцветным голосом. — Со всем стал беспомощным, деточка. Завтра собираюсь заключить договор с фирмой, которая будет за мной ухаживать. Покупать пилюльки и продукты, наводить порядок, готовить, следить за приемом прописанных мне лекарств... В благодарность же ребята получат эту квартиру. После моей смерти, разумеется. Я в больнице много думал — времени было, хоть ведром черпай — и понял, что настоящее одиночество — это когда тебя некому забрать из морга. Все остальное — временные трудности.

— Что за настроения, Михалыч?! — рассердилась Лыкова. — Оптимизм, как капитан корабля, должен покидать человека последним.

— Э-эх, доця... извини, что так тебя называю: ты моей Таньке ровесница. Ей тоже в апреле тридцать исполнилось...

— Называйте, мне приятно, — кивнула Яна трубке. — А к фирме этой по уходу за инвалидами у меня много вопросов. Есть подозрение, что как только вы подпишете договор, шустрые ребятки постараются ускорить вашу кончину. Кто вас на них вывел?

— Да сами явились ко мне в больницу. Каждый день проводывали. Всю печень мне проели, всю холку повыгрызли: «Подписывай, дед, договор, и будет тебе счастье». Я и развесил уши, как спаниель.

— Тормозните с этим пока. Я пробью их по своим каналам. Как они зовутся?

— «Второе дыхание», — облизал мужчина сухие губы. — Да ну их, деточка. Давай поговорим о тебе. Расскажи мне, почему ты не замужем.

— Потому что ношу церковное кольцо «Спаси и сохрани», — рассмеялась Лыкова. — Хотите верьте, хотите нет, но по натуре я — одиночка, и мужик мне нужен, как висельнику ботинки.

Михалыч молчал, постукивая костяшками пальцев по деревянной столешнице.

— Я понял, абы кого ты не хочешь, а достойного мужика встретить не повезло, — изрек он после раздумий.

— В самое яблочко! — с грустью в голосе согласилась Яна. — Дефицит львов — не повод ценить шакалов. К тому же львам я решительно не нравлюсь.

— С чего это вдруг?

— Характер тяжелый: импульсивна, категорична, упряма, злопамятна. Да и внешность — на большого любителя. Я высокая, размер бюста — минус первый, ноги — сорок первый, нос с горбинкой, глаза разного цвета: левый — зеленый, правый — карий...

— Что? Что ты сказала про глаза? — сорвался на фальцет Михалыч. — Повтори.

— Гетерохромия у меня, говорю. Глаза разные. Левый — зеленый — в маму, правый — карий — в неизвестного мне папашку... Приходится линзы носить, чтобы люди не пугались.

На том конце провода раздался страшный грохот, будто что-то тяжелое брякнулось на пол.

— Але, Михалыч, что там у вас происходит? — не на шутку испугалась Яна.

— Неважно, — тихим голосом произнес мужчина. — Скажи: как завали твою маму в девичестве?

— Елена Петровна Коростылева, в замужестве Лыкова.

— А бабушку? Кем бабушка работала до пенсии?

— Бабуля? Ольга Егоровна Коростылева. Была учителем биологии в школе номер сорок четыре.

В телефонной трубке что-то несколько раз булькнуло, и спустя мгновение Яна услышала глухие рыдания, перешедшие в протяжный вопль:

— Нашео-о-ол! Нашел-таки, ядрена балалайка!!!

— Кого... нашел? — округлила Лыкова свои разноцветные глаза.

— Таньку мою! — всхлипнул Михалыч от счастья. — Здравствуй, доченька...

NO PASARAN!⁴

Открыв глаза, я взглянула на часы — семь утра. Больные еще спят. Ночные медсестры передают дежурство дневным. Уборщицы бесшумно натирают полы мягкими веревочными щетками, которые немцы называют забавным словом «мопп». Утреннюю тишину нарушают лишь щебетание птиц за окном да вибрация приступившего к своим обязанностям лифта.

За неделю пребывания в женской клинике Святой Катарины я уже привыкла к неизменной симфонии звуков, которая заполняет этаж пробуждающейся «хирургии», и удивилась, услышав совершенно нехарактерные для нее «аккорды»: скрежет несмазанных металлических колес, чьи-то топтыжки шаги, тяжелое пыхтение с хриплым под-свистом и глухой матерок на «великом и могучем».

Первое, что выдал мой еще не проснувшийся мозг: я на родине. По недоразумению попала в агонизирующую районную больничку, где этой ночью и отдала концы. И вот мою бездыханную тушку везут в морг пьяные санитары на выдавшей виды каталке.

От ужаса я окончательно проснулась. Узнав свою палату с деревянным распятием Иисуса на стене, облегченно вздохнула. Привидится же такое. Вернее, прислышится. Хотя нет... Это не галлюцинации. Это — приближение какой-то гигантской погребушки.

— Да чтоб вас самих лечили исключительно уринотерапией! — раздался грубый хриплый голос у двери моей палаты. — Меня чуть кондратий не обнял, пока я ваших бумажек дожидалась!

⁴ Они не пройдут! (исп.). Политический лозунг, выражающий твердое намерение защищать свою позицию. Один из символов антифашистского движения.

— Что, простите? — раздался голос дежурной сестры Сабины. — Вы, фрау Цигаль, явились раньше времени. Нужно немного подождать.

— Ща-а-а... — фыркнула та, вкатывая в палату огромный чемодан на колесах, получивший в народе прозвище «мечта оккупанта».

Новенькая бесцеремонно зажгла свет и по-хозяйски прошествовала к моей кровати.

— Софочка, — протянула она мне пухлую, унизанную перстнями ручку.

— Лариса, — кивнула я головой, стараясь не менять позы: послеоперационные швы были свежи и немилосердно чесались.

— Наша? Я так и думала, — просияла женщина. — Когда средь моря немецких крокодилиц встречаешь симпатичную мордашку, тут и ежу понятно — перед тобой землячка. Мы, русачки, немчуре их породу подправим. Это — наша миссия на этой земле.

Я вежливо улыбнулась, с интересом рассматривая соседку по палате. Софочке было лет шестьдесят, не меньше. Фигура — как у борца сумо, рыхлые руки, отечные ноги. Шапка черных, вьющихся мелким бесом волос. Крупный нос, мясистые губы, кричащее пятно губной помады, испачкавшее ее левую щеку. Между передними зубами — внушительная щель, делающая ее похожей на кролика.

— Вообще-то, меня Софой зовут, — уселась фрау Цигаль на край моей кровати. — Но софа по-немецки означает диван. Я, конечно, мягкая и уютная, но боюсь, что какой-нибудь фриц растолкует мое имя буквально и захочет на меня прилечь. Поэтому — только Софочка. Меня все так называют.

Кто мог в здравом уме называть это стокилограммовое создание Софочкой, трудно было вообразить. Как, впрочем, и представить немца, который станет помогать этой женщине. Последнее могло произойти лишь с мужиком, еще не отошедшим от наркоза.

Распахнулась дверь, и на пороге возникла старшая медсестра отделения Гизела, женщина строгая и властная, которую побаивались не только больные, но и некоторые доктора.

— Вот ваше место, фрау Цигаль, — указала она на кровать у двери. — Это — ключи от вашего шкафчика. Чемодан немедленно — в камеру хранения, здесь оставьте только самое необходимое.

— Спешу и падаю, — протянула новенькая по-русски, поднимаясь с моей кровати.

Громко протопав к указанной койке, она бухнула на нее свою филейную часть. Затем немного попрыгала, проверяя на упругость качество ложа. Судя по гримасе, появившейся на лице Софочки, последнее было забраковно. А вот кровать, находившуюся рядом с моей, она признала «допустимой», о чем и сообщила Гизеле на вполне сносном немецком.

Та плотно сжала губы и недовольно повела плечом.

«Один-ноль в нашу пользу», — пронеслась у меня в голове озорная мысль. Мое пребывание в стационаре переставало быть томным. В хирургию приехал цирк.

— Вопросы будут? — голосом робота произнесла старшая медсестра.

— Целых два: телефон и телевизор.

— Собственным мобильным телефоном пользоваться запрещено. Оставляете залог десять евро и получаете карточку. Залог при выписке возвращается. Тогда же получите и счет — два евро за день пользования. Самому звонить с него несколько накладно, но родные и друзья могут с вами общаться, как по обычному, городскому. Что касается телевизора, то смотреть его можно только в наушниках. Эксплуатация аппарата стоит три евро в сутки.

— За те деньги, которые с меня сдирает больничная касса, — сорвалась на верхний регистр фрау Цигаль, — можно все городские трамваи покрыть золотом... в три

сложения. Цель немецкой медицины — не вылечить больного, а как можно дольше доить его кошелек.

— Здесь вас никто не удерживает, — прошипела Гизела сквозь зубы. — Женских клиник в Германии предостаточно.

— Вы считаете, что, попав в вашу больничку, я должна от счастья писать кипятком? Скажите прямо, что ненавидите евреев, — подморгнула мне новенькая, доставая из недр чемодана собственную подушку, настольный вентилятор, пижаму с зайчиками, несессер с косметикой и пакет, доверху набитый какими-то лекарствами. — Вы, как я погляжу, решили подхватить знамя, упавшее из рук ваших предков, и добить потомков евреев, которых Германия пригласила в страну из чувства покаяния.

— Что за глупости вы говорите? — взвизгнула женщина, явно напуганная подобным поворотом.

— Хорошенькое дело — выставлять за порог неугодных вам раковых больных. Разве это не геноцид? Руководство клиники в курсе ваших убеждений?

Лицо медсестры покрылось красными пятнами. В ее глазах читалось желание совершить смертоубийство.

— Это уже ни в какие рамки не лезет, — слотнула она слюну.

— Без телевидения вашего я, конечно, обойдусь. Смотреть по нему все равно нечего, — как ни в чем не бывало продолжила фрау Цигаль. — А карточку телефонную, пожалуйста, возьму. Надо позвонить председателю еврейской общины.

Гизела как ошпаренная выскочила за дверь.

Софочка подняла вверх сжатый кулак и, глядя на меня, произнесла:

— No pasaran!

«Два-ноль», — хохотнула я про себя. Старшая медсестра мне тоже не нравилась.

— Эта фря в нашей палате больше не появится, — пообещала мне новенькая, натягивая на толстые икры белые противотромбозные гольфы. — За антисемитизм им тут вставляют в задницу большую узбекскую дыню.

Переодевшись в «заячью» пижамку, женщина посмотрела на себя в зеркало, встроенное в дверцу шкафа.

— Правда, прикольная? На распродаже купила всего за двадцать евро. А эти — за пятерку, — подняла она над головой белые пушистые тапки.

Для довершения образа «бабушка из „Плейбоя“» не хватало только заячьих ушек и хвостика.

Из коридора донесся какой-то неясный шум. Фрау Цигаль быстро нырнула в постель и страдальчески закатила глаза. Старалась она зря. Вместо доктора явился медбрат, измеряющий температуру и давление.

— Норма, — растянул парень губы в резиновой улыбке.

— Какая норма? — вскинулась Софочка. — Да у меня в жизни еще не было такого высокого!

— В вашем возрасте это давление можно считать идеальным, — настаивал тот на своем.

— В каком это МОЕМ возрасте? Ты что мне хамишь, юноша?

— Меня зовут Андреас.

— Мне чхать на твоё имя. Принеси лучше таблетки для нормализации давления.

Молодой человек в недоумении захлопал ресницами.

— Все лекарства — только по назначению профессора Шмидта. Изложите ему на обходе свои жалобы.

— Хвалёная немецкая медицина! — воскликнула фрау Цигаль по-русски, поворачиваясь ко мне лицом и задом к медбрату. — Недавно по телику сюжет показывали, как мужику с гангреной не ту ногу отрезали. Сделали анестезию и вместо больной ко-

нечности оттяпали здоровую. Тот от наркоза отошел, закатил истерику. Супермедики ему: «Никаких проблем! Ща исправим». Наркоз — и снова «на пилораму». На этот раз не ошиблись — выбора-то не было. Платят теперь безногому компенсацию. Боюсь я, Лар, операции до смерти. А оттягивать дальше некуда, — смахнула она набежавшую слезу. — Че-то я от нервяка жрать хочу, как блокадница. Скорей бы уже кормежка.

На завтрак принесли хлеб, масло, немного меда, пудинг и чай.

— Это все? — поразилась женщина. — От такого питания можно заболеть еще больше. В котором часу тут обед?

— В час дня, — робко прошептала молоденькая сестричка.

— Чувствую, подпорчу я вашему отделению статистику смертности, не дожив до обеда.

— Вы можете сами заказывать и компоновать свой рацион из трех вариантов. Вот вам листок-заказ.

Водрузив на нос массивные черепаховые очки, фрау Цигаль впиалась взглядом в предложенное меню.

— Ну, айнтопф ваш даже шакалы жрать не станут. Давайте томатный суп, сырную запеканку с брокколи и салат. А на ужин... что такое шпецле?

— Макароны с сыром, присыпанные жареным луком, — подсказала я.

— Вот их! И порции воробьиные мне больше не приносите. Я что, похожа на воробья?

Девушка отрицательно замотала головой и быстро ретировалась.

Мгновенно уничтожив все лежащее на подносе, Софочка развернулась в мою сторону:

— Ты почему пудинг игнорируешь?

— Я сладкого не ем, мне нужно сбросить килограмм десять.

— А мне ничего сбрасывать не надо. Давай сюда.

Доев мою порцию, женщина тщательно вытерла рот салфеткой и полезла в свою необъятную косметичку. Наведя черным карандашом стрелки на веках, она достала кроваво-красную помаду и стала водить ею по пухлым губам.

— Надо быть во всеоружии, — кокетливо улыбнулась Софочка, полюбовавшись на себя в зеркальце. — Профессор Шмидт хоть и немец, а все-таки мужчина.

Последний ее стараний не оценил.

— Смыть немедленно это безобразие и лак с ногтей тоже, — метнул он недобрый взгляд в сторону дежурной сестры. — Здесь хирургическое отделение, а не Хэллоуин!

Пациентка заметно сникла. Из ее глаз потекли слезы, оставляя на щеках черные дорожки от туши.

— Давайте повременим с операцией, — простонала она жалобно. — У меня сейчас такое высокое давление, что аж глаза лопаются.

— Вы плохо себя чувствуете?

— Хуже не бывает! — и женщина стала долго и обстоятельно рассказывать, где у нее торкает, колет и ломит. — И вот еще посмотрите, — выставила она перед собой средний палец правой руки. — Тут вена чуть не лопнула. Видите, вздулась синим шаром? Что это, если не тромб?

Теряющий терпение доктор тяжело вздохнул. Глядя на пациентку с вытянутым в сторону Шмидта средним пальцем, медсестры изо всех сил боролись с приступом смеха. Я тоже с головой уползла под одеяло, опасаясь расхохотаться в голос.

— Не переживу я этой операции, — всхлипнула фрау Цигаль. — Умру в вашей больничке...

— Что ж вы вовремя не сделали генетический тест вероятности наследственного рака? В случаях, подобных вашему, не ждут наступления болезни, а, как Анджелины Джоли, удаляют еще здоровые молочные железы.

Густо подведенные брови Софочки удивленно взметнулись вверх.

— Отрезать здоровые сиськи? Не-е-т! Лучше подохнуть.

— Да вы еще всех нас переживете, — заверил ее эскулап. — Рак — вовсе не приговор, это — диагноз. Не лучше и не хуже любого другого. Конечно, если вы против оперативного вмешательства, неволить вас не станем. Решайте: либо вы подписываете отказной документ и уходите домой, либо мы готовим вас к операции, которая состоится завтра в десять.

Софочка обвела присутствующих растерянным взглядом. Ее нижняя губа дрожала. На лбу выступили росинки пота.

— Я остаюсь, — издала она не то скрип, не то стон.

— Тогда — анализ крови, — бросил Шмидт медсестре, — и все остальное...

Пока новенькая была в процедурной, в верхнем ящике ее тумбочки надрылся голос Сергея Трофимова:

Тетя Соня, душа болит и стонет,
Измученная истиной простой.
Тетя Соня, при всем своем фасоне
Без вас Россия стала сиротой.

Только на третьем куплете я сообразила, что это рингтон Софочкиного мобильного.

— Опять ни хрена нет красных телец... и железа — ноль нарисованный, — вернулась в палату фрау Цигаль. — Малокровие в активной форме. Такие анализы бывают только у изможденных узников концлагерей. Понятно теперь, откуда у меня постоянный упадок сил. Видишь, Ларка, какая я бледная, — подошла она к зеркалу. — Эта вампириша из меня всю кровь высосала. До последней капли. Смаковала долго, с садистским наслаждением. Лучше б уж, как на родине, — молотком по лбу и — тазик под нос.

«Тетя Соня...» — вновь запел ее телефон.

— Ешкин же ж кот! Забыла отключить, — бросилась она к тумбочке. — Это Цилька, соседка моя. Сломала шейку бедра, мерзавка. Специально, чтоб меня не проводить.

— Здравствуй, Цилечка! Здравствуй, моя сладкая! — запела Софочка елеиным голосом. — Завтра, в десять... Да ужас ужасный, даже не спрашивай. Нечеловеческие условия. Жрать нечего, пить нечего... Вода в бутылках? Есть, но она такая помойная... Придется давиться — доктор сказал, что мне нужно часто писать... Автомат в коридоре? Да, вроде стоит, но вода в нем без сиропа — на всем экономят, сволочи... Ну да, кафе на первом этаже есть. Там можно пивка попить и перекусить, но за СОБСТВЕННЫЙ счет. Тут и телефон, и Интернет, и телевизор имеются — только плати... Ага, щас... Я, конечно, больная, но не на голову же... Какие там беседы, какие разъяснения! Уставится в свой компьютер и ухает из-за монитора, как филин из дупла... Какая группа, Цилья?! Ты ее из них еще выбей. Помнишь Борьку Когана, Бэлкиного сожителя? Он так и не добился инвалидности. А знаешь почему? Потому что на комиссию пришел пешком, а не приехал на такси. Так, гестаповцы, и сказали: «Раз вы свободно ходите на протезе, чешите, дядя, на пашню — арбайт махт фрай⁵». Сидит сейчас на фабрике резиновых изделий, презервативы проверяет на прочность путем надувания... Да беспредел голимый. Все нужно дубиной выколачивать. Ни врач, ни социальный работник слова не проронили, что после операции мне полагаются деньги на дополнительное питание... Ага, разъяснят они. Объявления в коридорах больнички развешаны на уровне пупка, читать их можно лишь стоя на коленях. Спрашиваю докторицу: «На фига?» Она мне: «Это — информация для инвалидов-колясочников». Выходит,

⁵ Труд делает свободным — лозунг, размещенный на входе нацистских концентрационных лагерей.

ходячих информировать уже не нужно. Перетопчутся, раз есть чем... Ладно, Цилька, бегу на ЭКГ, потом на беседу с анестезиологом. После операции тебе звякну. Если, конечно, не отброшу копыта. No pasaran!

Нажав на отбой, женщина пристально уставилась на свое запястье.

— А где мой пластиковый браслет? — с ужасом в глазах завопила она.

— Какой браслет?

— Больничный... беленький... такой, как у тебя... мне его при регистрации надели... узкий такой, еле застегнулся... неужели лопнул?

С воем и всхлипываниями фрау Цигаль стала перетряхивать свою постель, лазить на четвереньках под кроватью, выворачивать на пол содержимое своего чемодана.

— Все, мне шандец! — грузно облокотилась она на тумбочку. — Зарежут, как кабана, и скажут, что так и было.

Мой мозг отказывался понимать происходящее.

— Кто вас зарежет? И при чем тут браслет?

— Молодая еще. Не понимаешь, насколько опасно потерять эту бирку, — обреченно выдохнула женщина. — Пару лет назад в телепередаче «Эксплозив» был сюжет о том, как в больничке перепутали пациентов. У обоих была фамилия Гаус, но один из них, на свою беду, снял с руки браслет со своим именем и годом рождения. Его и прооперировали вместо другого. Так что... Погнала я на регистрацию за новым браслетом, пока меня тут не укокошили.

Вернулась Софочка только к обеду. По возвращении она уже знала по именам и фамилиям всех работников отделения, начиная с докторов и заканчивая уборщицами. За время своего отсутствия в палате ей удалось проверить, какими иглами медсестры делают уколы, «построить» уборщиц за пыль, обнаруженную в холле на подоконнике, перезнакомиться со всеми пациентками, лежащими на нашем этаже, проконтролировать размер своей обеденной порции. Последняя на этот раз оказалась двойной.

— Могут же, если хотят! — кивнула Цигаль на свой поднос. — За ними глаз да глаз нужен.

Громогласно высморкавшись, она в мгновение ока уверетенила все, что было на тарелках, и отвалилась на подушку, как сытый клоп. Спустя несколько секунд палату огласил ее мощный храп. На шум прибежала дежурная сестра. Обнаружив «мирную картину», девушка бросила на меня сочувственный взгляд и бесшумно прикрыла за собой дверь.

Проснулась Софочка ближе к ужину. Перекрестившись на распятие, повернулась на правый бок и тяжело вздохнула.

— Вам плохо? — поинтересовалась я.

— А кому сейчас хорошо? — пробасила женщина. — Мне, правда, хуже всех. Умру я скоро. Сон вещий только что видела. Будто иду я по скверу больничному, и на меня садится огромная бабочка. Такая большая, что крыльями своими весь обзор закрывает... Дурная это примета. По старославянским обычаям, бабочка символизирует посланника мира мертвых.

— Ерунда все это! — отмахнулась я. — Где вы, Софочка, а где древние славяне? Не ваша это примета.

— Не скажи, Ларка! Православная я, полукровка, — достала она из-за пазухи золотой крестик, рядом с которым на цепочке болталась шестиконечная звезда Давида. — Думаешь, придуриваюсь? Не-ет! Знаю я этих коновалов, им бы только резать...

Невеселые размышления Софочки были прерваны появлением сестрички с подносами. Ужин состоял из тыквенного супа, салата, вишневого йогурта и кекса.

— Ну и что это такое? — закатила глаза фрау Цигаль. — У меня завтра операция. Мне силы нужны, а вы опять притащили кукольные порции какой-то ерунды.

— Это — здоровая пища, содержащая все необходимые витамины и минералы. Она способствует скорейшему выздоровлению.

— Расскажи это кому-нибудь другому, я еще с мозгами не поспорилась. И принеси мне нормальной еды, а не десерт к чаю.

— Нельзя перегружать желудок перед операцией, — мягко возразила девушка. — У вас после наркоза будет сильная рвота. Могу предложить еще один йогурт...

— Тащи! — обреченно махнула рукой Софочка. — И за что мне вся эта «чита-маргарита»? Ведь всю жизнь добро людям делала...

Эта ночь стала для меня настоящим испытанием. От громогласного храпа Софочки уснуть не могли даже пациентки соседних палат. В полночь она наконец затихла, и я мгновенно провалилась в сон. Через час проснулась от чьих-то всхлипываний. Пришвырнувшись, разглядела в темноте грузную фигуру в светлой пижаме. Фрау Цигаль стояла на коленях перед распятием и то ли плакала, то ли молилась.

— Господи, дай мне дожить до старости, — донеслось до моего слуха. — Ты и так наказал меня больше, чем я согрешила. Я одинока, бедна, нездорова. Нет никого, кто всплакнул бы на моей могилке. Вокруг — одни враги, ожидающие моей смерти. Дай мне, Господи, еще лет десять, больше у тебя не попрошу... Но ведь не дашь, я знаю...

Мое сердце сжалось от сострадания. Сейчас я видела совсем другую Софочку: одинокую, растерянную, незащищенную. С ужасом и чувством обреченности ожидающую своей операции, не веря в ее удачный исход.

Я обняла женщину за плечи, помогла ей встать с колен и лечь в постель.

— Не паникуйте, дорогая. Я просто уверена: операция пройдет удачно. И пока вы умрете, вашим врагам раза три оградку на могиле покрасят. Подумайте о чем-нибудь хорошем. У вас дети-внуки есть?

Женщина печально вздохнула.

— Можно сказать, что нет. Двадцать пять лет назад я развелась со своим мужем. Дочь приняла его сторону и ушла вместе с ним, сказав на прощание, что жить со мной можно лишь по приговору суда. Десять лет глаз ко мне не казалась, а когда узнала, что я уезжаю на ПМЖ в Германию, явилась с требованием отписать ей квартиру. Не просила, а вымогала. Типа, у меня тут и так все будет в шоколаде, а ей еще замуж выходить. Мол, у невесты с жилплощадью шансов на нормального жениха куда больше, чем у бесприданницы.

— А вы?

— Отказала, конечно. Я свою жилплощадь сдаю в аренду и на эти деньги существую в Германии. Квартирный вопрос поставил в наших отношениях большую жирную точку. За пятнадцать лет дочь ни разу мне не позвонила, ни слова не написала. Так что нет у меня никого.

В десять утра Софочку увезли на операцию.

— No pasaran! — подняла я вверх сжатый кулак.

Женщина безмолвно повторила мой жест. В ее глазах засветилась уверенность в том, что и в этот раз победа будет за ней.

В двенадцать она уже лежала на своей кровати, «прикованная» к капельнице. Пока отходила от наркоза, в палате было тихо и спокойно. От обеда Софочка отказалась, на вопросы медперсонала не отвечала, со мной не общалась. Лежала на спине, безучастно наблюдая за бутылкой с размеренно капающей лекарственной жидкостью. Зато потом...

Спустя пару часов началось светопреставление. Фрау Цигаль рыдала, выла и причитала. Ей было то жарко, то холодно. То слишком светло, то ужасно темно. То ей жутко хотелось есть, то ее тошнило от одного вида пищи. У нее болели голова, сердце,

руки, ноги, спина, душа... «Подо мной горит матрас, — зычно, как труба, гудела она. — Сделайте же что-нибудь!»

Это продолжалось весь день и весь вечер. Софочке делали уколы, давали таблетки — ничего не помогало до тех пор, пока профессор Шмидт не решился на откровенный блеф:

— Мы имеем дело с ярко выраженным послеоперационным психозом. Будем вводить пациентку в медикаментозную кому. Поспит пару дней, успокоится, тогда и решим, что с ней делать дальше.

Цигаль тут же перестала голосить. Глаза женщины забегали, как у сломанной куклы.

— В какую такую кому? — прошептала она. — А если я не проснусь, что будете делать?

Заведующий отделением был невозмутим:

— Будем отписываться и, конечно, горевать. Таких интересных пациентов Господь нам посылает нечасто.

— Не нужно комы, — после некоторой паузы пробасила Софочка. — Я попытаюсь справиться без нее, раз уж имею себе такое счастье.

Персонал с облегчением покинул палату, оставив меня с соседкой один на один.

— Лар! — всхлипнула она. — Я помираю. Передай Цильке, пусть возьмет себе мое колечко с сапфиром. Она знает, где оно лежит. И кактусы пускай забирает. Она на них давно глаз положила.

— Бросьте хандрить, Софочка! Все обойдется, — уверенно произнесла я. — Меня тоже мутило после операции. На другой день стало легче, а на третий совсем отпустило.

— Меня не отпустит. Они дают неправильные лекарства. Это не обезболивающее, а вода...

Ночь оказалась еще более адовой, чем предыдущая. Мне не удалось сомкнуть глаз ни на минуту. Соседка стонала, причитала и плакала. Правда, тихо, из страха перед медикаментозной комой. Через каждые полчаса она интересовалась у меня актуальным временем, и я, как кукушка в часах-ходиках, вынуждена была объявлять: «Полтретьего, три, полчетвертого...»

— Ты прости меня, Ларка, что я тебя дергаю, — изрекла вдруг фрау Цигаль в четыре утра. — Просто ты — единственная ниточка, связывающая меня с жизнью. Пока ты со мной разговариваешь, я чувствую, что нахожусь на этом свете. Как только ты замолчишь, меня тут же унесут демоны Смерти.

— Они себе не враги, демоны эти. Знают, что их ждет после такого приобретения, — засмеялась я. — Поспите хоть пару часиков.

— Не могу я повернуться ни на левый, ни на правый бок. Какой тут сон, если все время нужно находиться в позе распятого Христа, — кивнула она подбородком на деревянный крест.

К этой женщине я испытывала двойственные чувства. В одной стороны, она меня бесила своими нахрапистостью и бесцеремонностью. С другой... я ей симпатизировала. Софочка была непосредственна, как ребенок. Не скрывала своей сущности, говорила то, что думает. Отчаянно отстаивала свои права, чего совершенно не умела делать я. К тому же моя соседка была яркой клоунессой. От одного ее взгляда, жеста, реплики можно было живот надорвать. Сама она о собственном комическом таланте даже не догадывалась, искренне удивляясь реакции окружающих на свою «правду жизни».

В шесть утра Цигаль все-таки уснула, а вместе с ней и я. А в семь в палату ввалилась уборщица-турчанка с ведром и шваброй.

— Это еще что такое?! — приподнялась на локте Софочка. — Технический персонал не имеет права входить в палату до того, как больные проснутся и позавтракают.

— Мы не успеваем... — стала оправдываться та, но женщина не стала ее выслушивать.

— Так успевайте! Или увольняйтесь. Еще раз ворветесь к нам в семь утра, это ведро окажется на вашей голове!

Это была прежняя Софочка. «Кризис миновал», — порадовалась я за соседку.

Жизнь нашей палаты и в самом деле вернулась «на круги своя». Цигаль больше не рыдала, не вспоминала о смерти, не жаловалась на отсутствие аппетита. Под надзором инструктора она занималась лечебной гимнастикой, ходила на занятия к психологу и на беседы к социальному работнику. Всеми ими она, конечно, была недовольна.

— Нет, Ларка, ты только подумай, — исходила Софочка благородным гневом. — Имплант можно будет вставить не раньше чем через год — после полного рубцевания раны. А пока сняли мерки для силиконового подклада, который будет готов лишь через два месяца. Да я за это время три раза сдохнуть успею! Вот погляди: выдали лифчик с поролоновой сиськой. За тридцать евро! Я что, похожа на шейха Брунея? Ортопедическое белье — это вынужденная необходимость. Такая же, как костыли, бандажи, ингаляторы. Больничная касса покрывает лишь часть расходов. Если б я не сдавала квартиру на родине, на какие шиши жила бы в Германии? Эта страховая медицина — полная фигня.

Или возьмем мою психологиню. У нее у самой кукушка поехала. Ну, что это за терапия такая? Задаёт кучу idiotских вопросов, типа, есть ли у меня подруга, вместе с которой можно сходить в кафе. Это вместо того, чтоб утешить меня, пообещать, что все будет хорошо...

После обеда, который Софочку опять не устроил, женщина отправилась наводить порядок на этаже. Проносая по коридору свое грузное тело, она внушала медперсоналу страх и желание свести к минимуму любые контакты с ней.

Зато женщины из соседних палат искренне радовались визитам фрау Цигаль. Ее появление вносило разнообразие в их монотонное больничное бытие. Софочка корректировала диагнозы подруг по несчастью, давала им медицинские советы, делилась биологически активными добавками из своей домашней аптечки, пока не попала с этим на глаза профессору Шмидту. Тот не на шутку расвирепел, строжайшим образом запретив ей «ходить в гости». «Сестра милосердия отыскалась! — возмутился он самодеятельностью пациентки. — Узнаю, что продолжаете знахарствовать, выпишу досрочно».

Грубость доктора поразила Софочку в самое сердце. Вернувшись в свою палату, она громко хлопнула дверью. Удар был настолько сильным, что со стены на пол грохнулся крест с распятием.

— Скверная примета, — зарыдала женщина. — Ты завтра выпишешься, и фашисты сразу меня укокошат. Я жива до тех пор, пока действует наша антигитлеровская коалиция.

— Не переживайте, я буду вам регулярно звонить. No pasaran!

Слово свое я сдержала, уже через день связавшись с ней по телефону.

— Прикинь, Ларка, на твою койку уложили арабскую матрешку, — заговорщическим тоном сообщила мне Софочка.

— Какую еще матрешку?

— Ты что, не знаешь? Наши так называют мусульманок, закутанных в хиджаб по самые брови. По-немецки — ни бельмеса. При ней неотлучно дежурит переводчица. Такая же — в кофоне, одни глаза сверкают. Родаки проплатили. Их у нее — как грязи. Одних детей человек десять. Неудивительно, что матрешке всю «гинекологию» удалили. Какая матка такое выдержит? Моджахеды караулят ее круглосуточно. Одни уходят, другие приходят. Стоят у койки и зыркают на наше распятие, как Ленин на буржуазию. Того и гляди, теракт устроят.

Я, Лар, день потерпела, а потом айболитам нашим таки вставила пистон: «Где это видано: арабов с евреями на соседние койки укладывать? Мне надо восстанавливаться, сил набираться, а тут... ни развалиться в удобной позе, ни с комфортом покакать. Да я глаза сомкнуть боюсь, когда надо мной нависают эти гюльчатаи в паранджах. Это же — сферический звездеч!

Такая тяжелая операция была. Один ломняк после наркоза чего стоил! А отдыха — никакого: то моджахеды в палате гужуются, то лечебная гимнастика достает меня своей палкой, заставляя поднимать ее над головой и делать с ней наклоны в стороны. То психуля сегодня приперлась и давай мне мозг парить, типа, отсутствие одной груди ничуть не умаляет ценности женщины в сексуальном плане. Мол, я не должна испытывать стеснение, раздеваясь при мужике, и не должна отказываться от секса. «Может, — говорю, — вы мне сразу мужичка выпишете по рецепту?», а психуля мне: «Прописываю. Секс раз в неделю вам совсем не повредит». Издевается, гестаповка.

Через два дня Софочка сообщила мне по телефону, что она поскользнулась в больничной душевой и сорвала ноготь с большого пальца левой ноги. Теперь не может надеть на травмированную конечность никакую обувь — ходит в одной туфле и одном сланце, как идиотка, сбежавшая из дурдома. Надеть второй сланец она не может — Шмидт запретил, потому что в двух шлепанцах она обязательно поскользнется и снова упадет. До кучи у нее с носа упали очки и разбились, нанеся ей убыток в сто сорок восемь евро. Вот такая непраха!

Еще через два дня я узнала, что Софочка уже «на воле». Мы встретились с ней в кафешке возле Старой оперы. С тех пор делали это регулярно раз в две недели. Время от времени фрау Цигаль мне звонила и всегда смешила так, как не в состоянии были рассмешить никакие клоуны и комики. В окружающей жизни она видела исключительно негатив и была свято уверена, что последнее провидение посылает ей намеренно, чтобы окончательно ее добить.

На какое-то время Софочка пропала с моего радара. Я не волновалась — знала, что она находится на реабилитации в клинике Бад Хомбурга. И вдруг — новый звонок.

— Поздравь меня, Ларка, я замуж выхожу, — огорошила меня фрау Цигель.

— Поздравляю вас, дорогая, от всей души, — настроилась я на розыгрыш. — И кто же этот счастливчик?

— Физиотерапевт мой из реабилитационного центра, доктор Берман. Состоятельный мужчинка. Бездетный вдовец. Владелец собственного двухэтажного дома. Именно то, что мне прописала психуля.

— Ариец?

— Наполовину. На худшую. На лучшую — Дитер еврей.

— А как вы нашли с ним точки соприкосновения? — с живым любопытством поинтересовалась я.

Повисла пауза. Софочка раздумывала, с чего ей начать.

— Мы с ним как раз занимались моим здоровьем. Я к нему на процедуры пришла сразу после лечебной гимнастики вместе с палкой, которую мне и там навязали. И тут вдруг в кабинет врывается какой-то черт, не то турок, не то пакистанец, и начинает орать на доктора на каком-то своем языке. Тот ни хрена не понимает, спрашивает его: «Чей вы родственник и чего от меня хотите?» Чернявого совсем переключило, он ухватил Бермана за грудки и давай его трясти, как грушу. Я, конечно, безобразия не стерпела и вальнула агрессора палкой по загривку. Можно сказать, спасла доктору жизнь...

— И? — не выдержала я интриги.

— И как порядочный человек он решил на мне жениться, — прошептала женщина доверительно. — Будешь у меня свидетельницей?

- А как же Цилечка, соседка ваша? Она не обидится?
- Да ну ее в задницу, пусть обижается, — фыркнула фрау Цигель. — Она мне завидует. Еще сглазит мое семейное счастье своей кислой физиономией.
- С чего вы это взяли? — удивилась я.
- Да понимаешь, — замялась Софочка, — вначале с Дитером я хотела познакомиться Цильку. С этой целью пригласила его к себе домой. А потом... Ты помнишь стишок Сергея Михалкова «Как старик корову продавал»?
- Конечно, я помнила классику, поскольку на родине преподавала будущим педагогам русскую литературу.
- Ну вот, — радостно отозвалась новоявленная невеста, — неожиданно для себя я вдруг поняла, что «такая корова нужна самому», — и мы обе покатались со смеху.
- Гостей много будет?
- С моей стороны — только ты да дочка.
- Вы помирились? — обрадовалась я. — Она на вас больше не в обиде?
- А чего ей на меня дуться? Я же из своей питерской хаты квартирантов-то выкурила и ее туда заселила. Ну а что? Я ведь у Дитера теперь жить буду. А Ленка... она тоже хочет замуж, а без жилплощади ее не берут.
- А вы не бойтесь, что дочка нарвется на мошенников, и те ее охмурят, прибрав к рукам вашу квартиру?
- Кишн мир ин тухес⁶ целых два раза, — засмеялась Софочка басом. — Там, где они учились, я преподавала. No pasaran!

ДЕЖАВЮ

В последний раз Вероника была в Крыму восемнадцать лет назад. Ей, тогда аспирантке кафедры русской литературы Уральского государственного университета, было двадцать два года. Незадолго до этого она развелась со своим супругом и пребывала в состоянии перманентного стресса.

Нет, Вероника ни в чем не винила Стаса, по-своему он был прав. Ему с его язвой желудка нужно было домашнее питание, а не заказанная по телефону пицца, а еще чистые рубашки, вылизанная до блеска квартира, щедрая на ласку жена, встречающая его с работы в хорошем настроении. Вероника же была постоянно занята. То она готовилась сдавать кандидатский минимум, то заканчивала работу над научной статьей, посвященной художественной системе А. П. Чехова, то работала в Ленинской библиотеке над будущей диссертацией. Какие уж тут куриные бульоны с пирожками? Ей бы толком выспаться. Вот и произошло то, что обычно происходит в подобной ситуации.

После развода Стас быстро нашел Веронике замену, отчего она совсем захандрила. Вот тогда-то родители и купили ей путевку в ялтинский санаторий «Бриз», специализирующийся на болезнях сердечно-сосудистой и нервной систем.

— Поезжай, доченька, развейся, клин клином вышибают, — настаивала матушка. — Новые впечатления — отличное средство против депрессии.

«А что я, собственно, теряю? — подумала девушка. — Если верить Чехову, то именно в Крыму можно встретить такую любовь, которая заставит забыть обо всем на свете». И она поехала.

Никаких мужчин, стоящих ее внимания, аспирантка в Ялте не обнаружила, зато сразу попала под чарующее обаяние города. Невероятные природные пейзажи, по-

⁶ Поцелуют меня в задницу! (идиш).

ражающие своей грандиозностью отвесные скалы, цветущие парки, запах моря и воздух — такой вкусный и свежий, что им просто невозможно надышаться.

Первым делом Вероника отправилась на главный променад курорта — знаменитую ялтинскую набережную. Туда, где под вековым платаном Айседора Дункан назначала свидания Сергею Есенину. Туда, где чеховский Гуров впервые увидел даму с собачкой. Туда, где совершал свой ежедневный променад больной туберкулезом Чехов.

«Боже мой! — ликовала девушка. — Ведь именно здесь — возможно, на этом самом месте — в голову гения пришли замыслы написания таких шедевров, как „Невеста“, „Архиерей“, „Вишневый сад“, „Три сестры“... Сейчас же пойду в Дом-музей классика, поклонюсь стенам, которые на протяжении пяти лет хранили его покой».

Покидая Белую дачу, она решила сфотографировать мраморный бюст писателя и заметила, что то же самое делает высокий худой блондин в джинсовом костюме и темных солнцезащитных очках, причем снимает он не столько бюст классика, сколько ее, Ники, бюст.

— А спросить разрешения слабо? — раздраженно поинтересовалась Вероника, которая терпеть не могла нахалов.

— Ну почему же? — миролюбиво улыбнулся незнакомец. — Разрешите вас поснимать на фоне ялтинских достопримечательностей.

— Вы — местный фотограф-приставала?

— Нет, я — приезжий, отдыхающий из Владивостока. И вовсе не фотограф, а инженер по спутниковым коммуникациям. Но в одном вы, конечно, правы: я — приставала.

— Ко всем подряд? — с иронией в голосе произнесла аспирантка.

— Только к златовласкам. Я никогда не видел таких откровенно золотых волос и таких лазурных глаз. Честное слово!

Девушка скользнула по незнакомцу изучающим взглядом. Он был совсем не в ее вкусе. Нике нравились крепкие накачанные брюнеты, а этот белобрысый инженер был конкретным суповым набором — кожа да кости. «Наверное, как и Чехов, приехал сюда лечить туберкулез, — подумала она. — Ну, и правильно. Воздух здесь целебный, санаторное питание — на убой, вокруг — красота несказанная и способствующий выздоровлению морской бриз. Если в отпуске еще и крутануть блиц-романчик, то недели за три можно избавиться от всех хворей».

— Меня Егором зовут, — протянул руку парень. — Егор Миронов, двадцати пяти лет, фанат и знаток Крыма. Могу быть полезен новичку.

Вероника взглянула на протянутую руку. Обручального кольца на пальце не было. «Это еще ничего не значит, — подумала девушка. — На курорте все мужики холостые».

— Екатеринбургенка Ника Стерникова, — пожалала она его длинные аристократические пальцы. — Филолог-чеховед. Отдыхаю в «Бриз». Я действительно здесь впервые и, пожалуй, не откажусь от гида.

— Тогда давайте начнем с Ласточкиного гнезда. Это — визитная карточка города.

И молодые люди отправились на экскурсию, от которой Ника получила столько впечатлений, что не заметила, как промелькнул день, как они с Егором перешли на «ты» и как стали держаться за руки, поднимаясь вверх по серпантину к напоминающему средневековое сооружение романтическому замку.

Миронов быстро внушил спутнице расположение к себе. Он оказался интересным собеседником, предупредительным кавалером и очень остроумным человеком. Расставаться с ним Нике не хотелось, но приглашать его в гости она не стала. «Во-первых, еще рано, а во-вторых, в подобных вопросах инициатива должна исходить исключительно от мужчины», — решила Стерникова, прощаясь с Егором у входа в свой корпус.

Этой ночью уснуть ей не удалось: будоражили шум моря, пение цикад, аромат можжевельника и глициний. А еще размышления о новом знакомом, так непохожем на

мужчину ее мечты. «Да, Егор не красавец и не атлет, но есть в нем какая-то внутренняя сила, сочетающаяся с волнующей и какой-то трудноописуемой загадочностью, — размышляла Вероника. — А еще он излучает сумасшедшую энергетику. Не в переносном — в прямом смысле. Несколько раз при соприкосновении с его рукой меня ударило током. Ничего похожего со мной раньше не случалось. В крайнем случае мы могли бы просто дружить. Мои опасения относительно его туберкулеза оказались напрасными — у всех мужчин его рода конституция Дон Кихота».

Утром следующего дня Миронов окликнул выходящую из столовой Нику. В руках у него была лиловая орхидея, на плече болтался фотоаппарат. Девушка увидела Егора, и по ее телу пробежал легкий электрический разряд. «Ого! Не хватало еще влюбиться в этого дальневосточного Дон Кихота», — заволновалась Стерникова.

— Предлагаю сегодняшний день посвятить восхождению на гору Ай-Петри, — вручил он даме цветок, обнажив в улыбке ровные белые зубы.

— Принимается. Только заскочу на минуту в свой номер — переобуюсь в кроссовки и поставлю цветок в воду.

Восхождение на Ай-Петри по серпантину оказалось еще тем квестом, особенно подъем на верхнее плато, куда молодые люди добрались лишь через два часа после начала путешествия. Оно и понятно: фотосессия и любование горными пейзажами требуют времени.

От увиденного у Вероники раз за разом перехватывало дух. Она чувствовала себя птицей, способной подняться ввысь и парить над бескрайней гладью моря, причудливыми зубцами скал, кашеобразной пеленой опустившегося на них тумана...

Неизгладимое впечатление произвела на девушку и Чертова лестница — горный проход в западной части Ай-Петринской яйлы. Огромные ступени, крутые повороты, зажатая камнями тропа и возникающие ниоткуда звуки, жуткие, пугающие, похожие на вой какого-то мистического существа, напомнили ей все фильмы ужасов одновременно.

С вершины горы открывалась потрясающая панорама всего Южного берега. Перед ними как на ладони лежали протянувшийся на километры галечный пляж, покоряющие неповторимостью своих вершущек скалы, окутанная облаками Медведь-гора, белоснежная красавица Ялта и море, слегка зеленоватое у берега и лазурно-голубое — до горизонта.

Здесь, на Ай-Петри, молодые люди испытали ощущение единения с необъятной природой и друг с другом. Обоим казалось, что знакомы они уже сто лет, а может, и больше — еще с прошлых жизней, когда их души блуждали в поисках друг друга в разных телах и разных эпохах. Это чувство их радовало, будоражило и обескураживало.

На вершине Ай-Петри было ветрено и прохладно. Плотный, как овсяный кисель, туман ложился парочке на плечи, окутывая ее своим холодным одеялом. Чтобы согреться, экскурсанты заскочили в первую встреченную ими кафешку и не пожалели. Такого вкусного шашлыка и такого замечательного коньяка они еще никогда не пробовали. А может, им так показалось, потому что оба чувствовали себя сейчас совершенно счастливыми.

Крепко взявшись за руки, Ника с Егором отправились в сталактитовую пещеру «Трехглазка», где в полутьме можно было беззастенчиво целоваться, как целуются подростки в последнем ряду темного кинозала.

С Ай-Петри они спускались по канатной дороге, в маленькой ярко-красной кабинке и снова целовались с одержимостью людей, которых вот-вот растащат в разные стороны и надолго бросят в камеры-одиночки.

Влюбленные не заметили, как добрались до «Бриза», как попали в Никин номер, как упали в ее постель. Все, что с ними происходило, было похоже на наваждение, на-

веянное посещение мистической горы, на склоне которой в средние века находилось варварское капище — место силы прародичей современных крымчан.

Казалось бы, наутро чары должны развеяться: карета превратиться в тыкву, кучер — в крысу, одежда — в лохмотья, а они сами — в смущенных своим безрассудством людей, которые не намерены кардинально менять жизненный уклад. Что, обнаружив друг друга в тесной для двоих кровати, они произнесут сакраментальное: «А виноват коньяк, будь он проклят!» — и разбегутся по своим углам, как нашкодившие коты. Но ничего похожего не произошло. Проснувшись, они крепко обнялись и до самого обеда не могли оторваться друг от друга. И только урчащие от голода животы заставили пару прервать увлекательное занятие.

После обеда Ника с Егором отправились в Никитский ботанический сад. До самого вечера они бродили по тенистым дорожкам, любуясь экзотическими растениями, вдыхая воздух, напоенный запахом моря и цветочным ароматом.

Проходящие мимо экскурсоводы что-то вещали о двух тысячах сортов роз и тридцати тысячах видов растений, произрастающих в дендрарии, о снятых на территории парка художественных фильмах, о гордости ботанического сада — североамериканской секвойе, но влюбленные не вникали в смысл фоновых звуков. У обоих в ушах звучала песня Лары Фабиан «Я тебя люблю».

Устав от бесконечной ходьбы, они упали на скамейку, спрятавшуюся в зарослях японского бересклета, впились губами друг в друга и никак не могли унять жажды в любовной энергии, которой подпитывали друг друга.

И снова пара не заметила, как пролетел день, как она добралась до «Бриза», как попала в Никин номер и как упала в постель. И снова влюбленные пропустили завтрак, обед, рекомендованные доктором процедуры, прогулку на теплоходе и намеченную вчера экскурсию в Ливадийский дворец.

Из номера они вышли только к вечеру. У обоих кружилась голова и приятно покалывало в области солнечного сплетения. Оба испытывали ощущение безмятежного счастья и зверское чувство голода. Творожной запеканкой, которую подали на ужин, молодые люди не насытились.

— Стоит проглотить что-то более существенное, — предложил Егор, и пара двинулась на набережную, где местные лоточники готовили на мангале ароматные, с дымком, дары моря.

Влюбленные сели за столик с видом на бесконечную водную гладь, заказали жареные креветки, шашлычки из мидий, порцию копченого катрана и два овощных салата. Ели молча, не отвлекаясь на разговоры. И только когда им принесли ароматный травяной чай, расхохотались.

— Любовь и голод правят миром, — процитировала Вероника Шиллера.

— Согласен с предыдущим оратором! — кивнул головой Миронов, любуясь девушкой, за спиной которой догорал очередной отпускной день. Ветерок то и дело шевелил ее пышные рыжие волосы, которые на фоне заходящего в море солнца выглядели как огненная лава, извергающаяся из кратера вулкана.

— Какая же ты красавица! — выдохнул потрясенный дальневосточник. — Прямо «Русалка» кисти Эдварда Мунка.

— Ты разбираешься в живописи? — приятно удивилась Ника.

— Только в творчестве экспрессионистов, да и то поневоле, — рассмеялся он. — После окончания четвертого класса, на каникулах, родители отправили меня к деду-егерю, в уссурийскую тайгу. На все три месяца!!! Надеялись, что, занимаясь физическим трудом на лоне природы, я, дрыщ бухенвальдский, наберу мышечной массы. Телевизора у деда не было, книг тоже. Спать он ложился очень рано. По вечерам делать было

решительно нечего. Думал, от скуки крышей двинусь. И тут между стеной и лежанкой я обнаружил толстую книгу-альбом «Экспрессионисты», забытую у деда одним заезжим охотником. Читал я ее запоем, потом несколько раз перечитывал, устраивая себе по ней тесты и викторины. Всех художников и их работы выучил наизусть. Не знаю, существует ли такая сила, которая могла бы заставить меня сделать подобное, имей я хоть малейшую альтернативу.

Вероника смотрела на собеседника, и ей хотелось прильнуть к нему, слиться с ним в поцелуе, забыв обо всем на свете. Был в Егоре какой-то драйв, какой-то магнит, который привлекал, тревожил, притягивал к себе. Которому она не могла и не хотела противостоять.

Прогуливаясь по вечерней набережной, заполненной отдыхающими, художниками с мольбертами, музыкантами, демонстрирующими окружающим свои таланты, молодые люди наткнулись на киоск с сувенирами, и Егор тут же купил две гигантских крученых раковины с наклейкой «Привет из Крыма!».

— Это — тебе, на память о днях, проведенных со мной в Ялте, — протянул он девушке рапану. — Приложив ракушку к уху, ты всегда сможешь услышать «записанный» ею шум моря.

Слова «на память о совместно проведенных днях» резанули Нике слух. Подобная формулировка означала, что к их внезапно вспыхнувшему роману Егор относится как к явлению временному, ни к чему не обязывающему. Как к приятной забаве, о которой можно забыть, а можно и вспомнить, если на глаза попадет эта рапана.

— А вторая ракушка кому предназначена? — поинтересовалась девушка, будучи совершенно уверенной в том, что она куплена Мироновым для его собственных воспоминаний «о совместно проведенных днях», но в ответ прозвучало неожиданное:

— Женьке, сынишке своему четырехлетнему, купил. У него была похожая, так он, негодник, молотком ее разгрохал, — рассмеялся Егор, не заметив смены настроения собеседницы. — Я ему обещал привезти такую же.

Вероника с трудом изобразила на лице улыбку.

— А с кем он сейчас?

— Дома, с женой, — нимало не смутившись, ответил Миронов.

— Почему ты сразу не сказал мне, что женат? — после глубокой паузы подала голос Ника.

— Во-первых, ты не спрашивала, а во-вторых, что бы это изменило? — искренне удивился дальневосточник.

— Все! Это изменило бы все, — убитым голосом произнесла девушка и, повернувшись к нему спиной, застучала каблучками в направлении своего корпуса.

Она больше не хотела секса с глубоко женатым мужчиной, но ее сильно задел тот факт, что Егор не побежал за ней следом, не стал что-то объяснять, вешать на уши лапшу о давно прекратившихся интимных отношениях с супругой, с которой находится на грани развода...

Всю ночь Ника проревела. «Как только встретишь толкового мужика, так он обязательно окажется женатым, — всхлипывала она. — Их что, и правда еще щенками разбирают?»

Нет, дурой она, конечно, не была. Понимала, что курорты для того и существуют, чтоб уставшие от семейной рутины люди, занимающиеся режимным сексом каждую вторую среду месяца, могли пуститься в любовную авантюру с понравившимся им партнером. Что даже солидные дамы и господа превращаются здесь в молодых пацанов и беззаботных девчонок. Что из отпуска они возвращаются отдохнувшими, помолодевшими, с веселым блеском в глазах и энергией, способной поддерживать их

унылое существование до следующего лета. Понимала, но не принимала. Ей хотелось, чтобы у них с Егором все было по-другому, ведь они идеально подходят друг другу. Но если Егор этого не понимает, то видеться с ним ей больше не стоит.

Приняв решение, Вероника уснула. На завтрак она не пошла. Выскользнув через боковой выход, девушка отправилась на экскурсию на винзавод Массандры, где надегустировалась местных вин так, что обрушившаяся на нее любовная драма показали ей ерундой. «Правду говорят бывалые: алкоголь — это анестезия, позволяющая перенести операцию под названием „жизнь“», — подумала девушка, возвращаясь в отель через запасной вход.

На следующий день после завтрака Ника на электрокаре спустилась на пляж. Она терпеть не могла галечного покрытия. Считала, что пляж должен быть исключительно песчаным, но выбирать не приходилось. Девушка постелила на шезлонг отдельное полотенце, надела черные очки и закрыла глаза.

«После обеда пойду в местный крокодиляриум, полюбуюсь на острорылого и гребнистого крокодилов, — решила она. — Вечером поплаваю в бассейне с морской водой, а потом — на дискотеку».

Приветливо светило мягкое солнышко, тело обдувал легкий освежающий ветерок, изредка кричали чайки, запах теплого моря окутывал округу йодистым настоем здоровья. Убаюканная теплом и монотонным плеском волн, Ника задремала. Снились ей безумные ночи, проведенные вместе с Егором, его нежные руки, его чувственные губы, его ласковые слова. Снилось и упоение от близости с ним, которое не проходило потом весь день. Впрочем, это был не сон, а что-то среднее между дремой и явью. Мозг девушки не отдыхал, он продолжал анализировать ситуацию, в которой она оказалась.

Именно здесь, в Ялте, Ника впервые почувствовала вкус «телесной» любви. Раньше ей казалось, что это совсем неважно. По крайней мере, вторично. Но сейчас все изменилось. Два дня назад она получила от Судьбы подарок — новое ощущение себя, женщины, способной испытывать истинное наслаждение от секса. Ничего похожего со Стасом у нее не было. Там были другие точки соприкосновения, а секс — так... незначительное вкрапление в полотно размеренной семейной жизни. «Странно, что мы без любви прожили вместе два года, — подумала Стерникова, возвращаясь в реальность из своих полугрез. — Странно, что мы вообще поженились».

И снова мысли Ники вернулись к Егору, от прикосновения к которому ее било током. Когда она обратила его внимание на этот странный факт, Миронов изрек:

— У нас с тобой совпадают резонансные частоты. В радиотехнике это называется — «два связанных звенящих резонансных контура». Именно такими контурами и являются влюбленные люди — они «звенят» от малейшего прикосновения друг к другу. Это я тебе как специалист говорю.

«Один раз в жизни я встретила мужчину, от которого мои чакры „звенят“, и сбежала от него только потому, что он женат, — с горечью думала девушка. — Ну, не дура? До отъезда домой осталось чуть больше двух недель, а я вместо того, чтоб обмениваться с Егором сексуальной энергией и звенеть, валяюсь на гальке, как выброшенная на берег тушка дельфина».

Вероника перевернулась на живот, подставив солнечным лучам спину, и вдруг унюхала запах Егора. Да, это был его парфюм, который она не спутала бы ни с каким другим. «Крыша едет! — испугалась девушка. — Но где мне его искать, ведь я даже не знаю, в каком корпусе он проживает».

Настроение упало в точку замерзания. Нике уже не хотелось ни глазеть на крокодилов, ни плавать в бассейне с подогретой морской водой, ни танцевать на дискотеке. Хотелось по дороге с пляжа «случайно» встретить Егора, убежать вместе с ним в ее

номер и до самого утра предаваться любви на узковатой для двоих кровати... В ее памяти вдруг всплыла фраза из фильма «Обыкновенное чудо»: «Слава храбрецам, которые осмеливаются любить, зная, что всему этому придет конец».

«Пусть приходит, — обреченно вздохнула девушка, — но оставшиеся отпускные дни все равно будут нашими!»

С моря подул теплый, влажный ветерок. Свежий порыв снова донес до Вероники отчетливый запах знакомого одеколona. «Нет! С пляжем нужно закругляться, я здесь с ума схожу», — решила она, поднимаясь с шезлонга.

И тут ее взгляд уперся в загорающего в полуметре от нее мужчину с длинными, как у осьминога, конечностями. Сердце девушки подпрыгнуло к горлу: «Егор!»

— Откуда ты взялся? — не могла она скрыть своей радости. — Я не слышала, как ты подкрался.

— Немудрено. Когда я к тебе подошел, твой мощный храп доносился аж до турецкого берега.

— Не ври, я вообще не спала — обдумывала план мероприятий на сегодняшний день. После обеда, например, собиралась посетить крокодиляриум. Если хочешь, можешь упасть мне на хвост. А ты чем с утра занимался?

— Купил тебе на базарчике ведерко клубники величиной с кулак. Потом сходил в фотосалон, уговорил мастера срочно проявить наши пленки и напечатать фотографии. Вот они, — и Егор поднял над головой пухлый кодаковский конверт. — А на счет предложения упасть тебе на хвост у меня — встречное: ты падаешь на мой хвост, который ничем не хуже крокодильего. Если согласна, увидишь фотки прямо сейчас.

— Согласна, согласна, — рассмеялась Ника. — Давай показывай, — и конверт тут же полетел в ее руки.

Фотографии были шикарными. Такой насыщенной зелени и такой концентрации синевы она еще не видела ни на одной фотографии. Потрясающая архитектура, экзотические растения, горные пейзажи, от одного взгляда на которые кружится голова. И на их фоне — она, Вероника, златовласка с глазами цвета моря, такая красивая и счастливая, какой никогда еще не была.

В этой внушительной пачке была лишь одна фотография, где они с Егором снялись вместе. По просьбе Ники влюбленных щелкнул дедуля-экскурсовод на фоне пещеры «Трехглазка» за пять минут до их первого поцелуя. Это был канун их отношений, преддверие, когда еще можно было отступить назад, но оба уже знали, что не сделают этого.

— Теряем время! — постучал Миронов пальцем по циферблату своих часов. — Я соскучился по тебе так, будто не видел целый год, — и пара заторопилась в «Бриз».

Волна страсти накрыла любовников с головой. Ночами они не спали и при этом были на удивление бодрыми. Тела молодых людей буквально вибрировали от переполнявшей их энергии. Вздремнув утром часик-другой, они с удвоенной страстью продолжали свои ночные занятия и никак не могли насытиться друг другом. Потом до самого обеда лежали без движения в нирване, в полуобмороке.

Днем влюбленные купались в море, загорали, объедались клубникой и до умопомрачения целовались. Эти поцелуи с клубничным привкусом Ника запомнила на всю жизнь. Никогда больше она не ела такой вкусной клубники: сладкой, сочной, ароматной, размером с куриное яйцо. И никогда больше не испытывала в постели такого блаженства, какое испытала с дальневосточным инженером по спутниковым коммуникациям.

Срок Вероникиной путевки подошел к концу. Завтра ей нужно было уезжать, но Егор вел себя так, будто это не было их личной трагедией. Он не прощался, не инте-

ресовался адресом и телефоном любимой, не договаривался о встрече на будущий год, не напрашивался провожать ее на вокзал. Это обескуражило девушку и больно ударило по ее самолюбию. «Неужели то, что с нами произошло, ничего для него не значит? Неужели для Егора я была первым подвернувшимся под руку объектом для смены обстановки? — не могла успокоиться Ника. — Хотя... и в чеховской „Даме с собачкой“, и в бунинском „Солнечном ударе“ все было абсолютно так же. И Гуров, и поручик далеко не сразу поняли, чем был для них их случайный роман... Ну что ж, как говаривала незабвенная тетя Соня из Одессы, не портите кофе сахаром, коньяк огурцом, а любовь замужеством».

На следующий день рано утром Стерникова сдала номер, вызвала такси и покинула райский уголок, в котором провела три восхитительных недели. Никаких записок она Егору не оставила. Зачем? Если бы он захотел проститься, то обязательно поинтересовался бы днем и временем ее отъезда. В конце концов, то, что она считала любовью, Миронову могло показаться вспышкой страсти, солнечным ударом. К тому же они находятся не в равных условиях: у него — семья, маленький ребенок, а ей для построения нового союза рушить ничего не нужно. Так что все правильно.

Вероника вернулась в свою привычную жизнь, защитила диссертацию, стала доцентом. Она встречалась с разными мужчинами и в каждом из них искала Егора. Не находила. Не было у нее с ними никакого «звона». Никто из них не являлся ее «резонансным контуром». А годы шли. «Видимо, совпадение на биологическом уровне бывает лишь однажды», — решила Стерникова и приняла предложение руки и сердца проректора по научной и исследовательской деятельности их университета.

Бездетный вдовец профессор Кислярский был талантливым ученым и просто хорошим человеком с золотым характером. Будучи на десять лет старше Вероники, он опекал девушку, баловал ее, называл «моя девочка». Она вышла за него замуж, родила дочь, похоронила отца, забрала к себе мать.

Жизнь Вероники, теперь уже Кислярской, шла своим чередом. Она защитила докторскую диссертацию, стала одним из самых авторитетных в стране ученых-чеховедов, писала научные статьи, летала на международные конференции, готовила дочь Дашу к поступлению в свой университет. Отношения с мужем у нее были равными и спокойными: никаких страстей, никакого надрыва. В постели он был скучен и предсказуем, но в остальном — совершенно безупречен: домовит, покладист, хорошо обеспечен, совершенно неревнив. Он уважал живущую с ними тещу, любил жену, обожал дочку. От взгляда на него дыхание у Ники не перехватывало, но она была уверена: Кислярский надежен и стареть с ним не страшно.

К этому времени Вероника уже поняла, что для счастливой семейной жизни секс — далеко не главное. Главное — доверие к мужу, стабильность, уверенность в завтрашнем дне. «Замуж нужно выходить не за того, в кого ты безумно влюблена, а за того, с кем можно отправиться в долгое плавание, — рассуждала она. — От моего выбора счастлива дочь, довольна мама, спокойна я. А от безумного секса хорошо было бы только мне, да и то недолго. Мозг не может бесконечно производить эндорфины. Как бы люди ни любили друг друга, через полтора-три года гормоны, отвечающие за привлекательность противоположного пола, угасают, и человек возвращается в свое первоначальное состояние. Включается механизм критического анализа, наступает своего рода прозрение».

Подобные мысли возникли в мозгу Вероники не случайно. Пятнадцатого июля в Ялте планировались мероприятия, посвященные сто пятнадцатой годовщине памяти А. П. Чехова. Она как известный ученый-чеховед получила приглашение принять в них участие. Самым забавным было то, что местом ее проживания был отель

«Бриз», тот самый, в котором восемнадцать лет назад они проводили безумные ночи с дальневосточником Егором.

Причин отказаться от поездки у Вероники не было, да она и не собиралась отказываться. Ее саму тянуло в Ялту так, как тянет злодея на место преступления. Воспоминания нахлынули на нее с такой силой, будто она только вчера вернулась из Крыма в Екатеринбург. «Надо найти альбомчик с моими ялтинскими фотографиями и пройти по тем же местам, сделав на их фоне селфи с собой теперешней», — решила Кислярская, доставая из комода добрый десяток альбомов, фотографии из которых давно собиралась отсканировать и загнать в компьютер, но так и не нашла на это времени.

«А вот и он! — обрадовалась женщина, вытаскивая из-под толстого бархатного альбома его „продвинутого“ потомка из пленки ПВХ. — Прогресс идет семимильными шагами. Еще недавно эти прозрачные кармашки для фотоснимков были крутым ноу-хау, и оп! — они уже вчерашний день — нет больше бумажных фотографий. Так и люди. Смотришь на фото — молодые, красивые, с горящими глазами, и оп! — уже пожилые, сутулые, с потухшими гляделками, а прошло всего каких-то двадцать лет...»

— Ма, а что это ты тут рассматриваешь? — появилась в дверном проеме Дашка. — Кто эта рыжая коровушка в старомодной кофтені цвета огнетушителя?

— Это я, доченька. Мне здесь немногим больше двадцати лет.

— Не прикальвайся, маман, — не поверила девушка. — Это... какая-то доярка из Хацапетовки с носом-картошкой. Я уже не говорю о ее гнедой масти, упитанности и партизанском прикиде.

— Ну вот, — расхохоталась Вероника, — а я себе на этих снимках так нравилась. А вес... да, тогда у меня было килограмм на пятнадцать больше, но мне даже в голову не приходило, что это много. Коровушками я считала совсем уж крупных девушек, а доходягам сочувствовала. Не было в те годы такой безумной погони за худобой. Это позже мир свихнулся, объявив нормой анорексичек с ножками-нитками и торчащими отовсюду костями. А медный цвет волос был тогда в моде. Это сейчас я — платиновая блондинка, а двадцать лет назад волосы подозрительного, под седину, цвета считались...

— ...Полным отстоем, — подсказала матери Дашка.

— Что-то вроде того, — усмехнулась Вероника. — А мои нос и грудь мне никогда не нравились, и я твердо решила их подкорректировать. Бабушка за это на меня страшно рассердилась, а твой папа пошел навстречу: профинансировал сначала ринопластику у толкового питерского хирурга, а спустя два года и операцию по увеличению груди, так как после родов она у меня совсем сдулась... Так что нет ничего удивительного в том, что ты меня не узнала на крымских фото.

Ялта встретила Веронику прекрасной погодой, такой же, какая была в июле 2003-го. Город, как и раньше, был шумным, праздничным и многолюдным, море — восхитительно лазурным, воздух, пронизанный одуряющим ароматом экзотических растений, — свежим и прозрачным, магнолии и гортензии — настолько яркими, будто только что сошли с полотен Клода Моне.

После концерта «Музыка в доме А. П. Чехова» с участием лауреатов международных конкурсов Кислярская решила прогуляться по «маленькой Ницце», набережной, по которой она когда-то хаживала вместе с Егором.

Все тот же знакомый пейзаж — бескрайние морские просторы и величественные горы вдалеке. Все те же призывы экскурсоводов «прошвырнуться на катере до Ласточкиного гнезда», только теперь уже не по рупору, а по мощному беспроводному микрофону. А вот и легендарные «грибочки», под которыми, как и раньше, сидят бабуль-

ки с колясками и собачками. А это — знакомая шхуна «Hispaniola», которая сейчас служит рестораном. Стоит на том же месте, никуда не уплыла.

А это — что-то новенькое. Вероника подошла ближе и чуть не расплакалась. Такое впечатление произвела на нее скульптурная композиция «Антон Чехов и дама с собачкой». В этой даме Кислярская узнала себя, а в высоком худом классике — дальневосточного инженера Егора Миронова, чей рост был таким же, как у Чехова — сто семьдесят семь сантиметров. Вот только собачка, чья бронзовая голова сияла от бесконечных поглаживаний курортников, желавших еще не раз вернуться на это место, в их с Егором истории была лишней.

«Да, город заметно похорошел, — мысленно отметила Вероника. — Стал более стильным и комфортабельным. Появилась новая набережная у Приморского пляжа, широкая, трехъярусная, со стеклянными ограждениями, современными зданиями кофеен и тапас-баров. Стало больше скамеек и столиков, где можно присесть, полюбоваться морем и под классную музыку выпить чашечку кофе или бокал ароматного вина».

Кислярская зашла в кафешку, заказала бокал «Массандры», села за столик и погрузилась в воспоминания. Вот так же в июле 2003-го они сидели с Егором за столиком на набережной, и он сказал ей, что она — красавица, похожая на «Русалку» кисти Эдварда Мунка. Вернувшись домой, Ника нашла в Интернете эту картину и сделала ее заставкой на своем компьютере. Прошла тьма лет, а заставка у нее так и не сменилась. «Выходит, не закрыла я свой гештальт в отношениях с Егором, — вздохнула женщина, листая крымский альбомчик, который она не вынимала из сумки. — Наверное, я сюда затем и прилетела, чтобы поставить точку в давней любовной истории.

Официант принес Веронике еще один бокал вина, сделал громче музыку.

Мы расстанемся с тобой навсегда,
Нас затаянут суетой города.
Только изредка всплакнут две души —
Как же счастливы мы были тогда, —

бередил душу Ники голос Трофима.

«А ведь я и впрямь больше никогда не была так счастлива, как в то лето, — со светлой грустью подумала Кислярская. — Интересно, как сложилась жизнь Егора? Наверное, уже внуков воспитывает, достиг больших успехов в области спутниковых коммуникаций, счастлив со своей супругой, дай ему бог удачи».

И тут... бокал выпал из руки Вероники и со звоном разбился о серую каменную плиту — по набережной шел Миронов. Да, он лихо изменился: совсем отошел, ссутулится, потускнел. Но это был Егор!

«Да не может быть! — не поверила своим глазам Кислярская. — Снаряд не падает дважды в одну и ту же воронку».

— Вы не поранились? — подошел мужчина к ее столику. — Вам помощь не нужна?

Да, это был он. Длинный, нескладный, с глубокими залысинами и гармошкой морщин на лбу. Но его глаза цвета виски остались прежними: задиристыми, пронизывающими насквозь, горящими внутренней страстью.

— Ничего страшного, я просто задумалась, — задрожала всем телом Вероника, спешно пряча в сумку свой альбомчик. — Такое замечательное вино было и вот...

— Серьезно? Надо попробовать! — улыбнулся Миронов и заказал два бокала «Массандры». — Вы не возражаете, если я посижу рядом с вами?

— Ради бога! Спасибо вам за вино и за компанию.

— Егор Миронов, предприниматель из Владивостока, — протянул он руку своей визави.

— Веро... Вера Кислярская, — со страхом пожала она пальцы мужчины. Боялась напрасно — никакого удара током не последовало. — Психолог, прилетела на ежегодный профессиональный форум.

— Вы уже все местные достопримечательности посмотрели?

— Нет, давно мечтала побывать в японском саду «Шесть чувств», но так и не довелось: программа форума сильно насыщена.

— Желание дамы — закон, — засмеялся Егор. — В то время как желание мужчины — статья.

«Неужели я настолько изменилась? — недоумевала Вероника. — В конце концов, мог бы почувствовать мое биополе, то самое, которое называл „звонящим резонансным контуром“. Не почувствовал. Не узнал. Не проинтуичил. К тому же прикосновение к Егору больше не высекало искру. Неужели за прошедшие годы наши контуры совершенно размагнитились? А может, они еще восстановятся? Может, Егор наконец узнает меня в этом японском саду, погружающем экскурсантов в состояние расслабленного созерцания?»

Ландшафтный парк «Шесть чувств» поразили Веронику своими размерами, красотой и экзотикой. Это был не просто парк, созданный с помощью тысячи семисот тонн камней вулканического происхождения. Это — целая страна, на территории которой раскинулись водопады, ручьи, пруды с «летающими камнями», экзотические деревья и постройки.

Вероника с Егором гуляли по аллеям сакуры, вдоль бьющих из каменной стены водопадов, кормили карпов в Черепашьем пруду, фотографировались в кимоно на фоне долины рододендронов и Драконьего моста, участвовали в чайной церемонии Пин Ча в специальном домике, построенном из японского кипариса. Они посетили храм медитации Дзен До, легкий, воздушный, словно парящий на вершине летней горы. У алтаря, на Нижней террасе, им удалось принять участие в ритуале поклонения духам, где можно было загадать свое самое заветное желание.

«Интересно, что загадал Егор? — подумала Кислярская. — Но еще интереснее, почему он меня не узнал. Да, прошло много лет, я похудела, увеличила грудь, сменила форму носа, прическу и цвет волос, но голос, походка, жесты, привычки, интонации, речевые обороты... Это же никуда не делось!»

Их взгляды встретилась, и Веронике показалось, что Миронов вот-вот воскликнет: «Ника!», но мужчина лишь смущенно улыбнулся:

— Глядя на вас, Вера, я испытываю состояние дежавю. Мне кажется, что происходящее со мной сегодня в моей жизни уже однажды было.

— Это потому, что мы находимся в особом месте. Монахи ведь сказали нам: помимо пяти основных чувств, у нас есть и шестое — осознание. И в таких местах, как этот японский сад, человек способен максимально ощутить гармонию с собой, успокоить свои мысли, войти в состояние «мусин» — умиротворенную атмосферу, дающую ощущение себя «здесь и сейчас».

— Здесь и сейчас, Верочка, я ощутил всю глубину никчемности собственной жизни, — развел руками дальневосточник. — Жил я глупо, как бы понарошку, будто писал черновик. А оглянулся: за плечами — ни-че-го. Есть фирма, которая спокойно может существовать без моего присутствия, есть взрослый сын-бездельник, который не хочет меня знать. Есть бывшая жена, у которой, в отличие от меня, личная жизнь сложилась удачно. Она вышла замуж за француза и улетела вместе с сыном на постоянное место жительства в Марсель.

— А что помешало построить собственную личную жизнь вам?

— Говорят, нужна всего одна минута, чтобы выделить человека из толпы, один час, чтобы оценить его достоинства, один день, чтобы полюбить, но требуется целая жизнь, чтобы забыть его. Мне моей жизни не хватило, чтобы забыть женщину, с которой я познакомился в Ялте много лет назад.

— А что в ней было особенного?

— Здесь есть один чудный ресторанчик паназиатской кухни, — взял Егор за руку Веронику. — Пойдемте перекусим, и я расскажу вам все, как на духу.

Руку она не выдернула. Шла, прислушиваясь к своим ощущениям и удивляясь отсутствию звона «резонансных контуров».

— Понимаете, Вера, наши с Никой отношения были эксклюзивными, превращающими двух людей в одно целое, снимающими все границы и запреты, — делился Егор с ней своими сокровенными мыслями.

Он заказал официанту «Сюо рамен» с креветками, хрустящие баклажаны, блинный торт матча, малиново-имбирный чай и продолжил свою исповедь.

— Все мои дальнейшие связи с противоположным полом являлись чередой сделок. Никогда и ни с кем я больше не мог войти в состояние резонанса, психологической и энергетической синхронности. Не нашел я больше своей женщины.

— Почему же вы отпустили ее от себя?

— Тогда я был еще не готов к кардинальным переменам. У меня во Владике была жена, маленький сын, хорошая работа. Бросить все и уехать в чужой город мне казалось полным безумием.

— А позвать ее к себе не пытались? Вдруг бы она согласилась? — дрожащим голосом произнесла Вероника.

— Это вряд ли, — вздохнул Егор. — Она училась в аспирантуре, занималась наукой, преподавала в вузе. После развода жила с родителями, с которыми была очень близка. Бросить все и уехать на Дальний Восток? Для этого надо быть отбитой на всю голову декабристкой. Да и что я мог ей у себя предложить? Съемный угол? Делить двушку с оставленной семьей я бы не стал. И что бы это была за жизнь? При алиментах, съемной хибаре и регулярных проклятиях моей тещи, которая не дала бы нам спокойно существовать. Не мог я подвергнуть любимую женщину таким испытаниям.

— А потом, когда вы уже развелись с женой? Не пытались разыскать любимую?

— Пытался, конечно. Нанял частного детектива, отправил его к ней в Ебург. Тот прилетает, докладывает: все у нее хорошо. Муж толковый, состоятельный, очень ее любит, балует, продвигает по научной линии. Мама ее с ними живет. Есть маленькая дочка, собственный двухэтажный дом, у каждого члена семьи — по иномарке. А у меня на то время — в одном кармане — вошь на аркане, в другом — блоха на цепи. Посмотрел я на фотографии, сделанные детективом: на всех она красива, счастлива, довольна жизнью, — и понял, что нужен я ей, как висельнику модные ботинки. В результате прожил какую-то чужую жизнь.

— Комплекс потерянного времени, — грустно улыбнулась Кислярская, прихлебывая чай из небольшой чашечки под названием чаван. — Раньше его называли кризисом среднего возраста, когда сорокалетний мужчина останавливался, оглядывался и вдруг обнаруживал, что за спиной у него нет ничего существенного, чем он мог бы гордиться. Что жизнь свою он прожил совсем не так, как мечтал. Но это, поверьте, совсем не конец света. Каждому человеку в течение дня представляется не менее десяти возможностей изменить свое существование, и успех приходит к тому, кто умеет их использовать. Мы сами создаем окружающий нас мир и получаем именно то, что заслуживаем.

Задумчивый, сосредоточенный на своих невеселых мыслях, Егор пропустил эту подсказку.

— А знаете, Вера, — вдруг вскинулся он, — у вас необыкновенные глаза. Такие же были у моей Ники.

Сердце женщины учащенно забилось: «Сейчас! Сейчас он меня узнает! И кто знает, что будет потом». Но Егор ее не узнал.

Официант принес комплимент от заведения — дайфуку с клубникой.

— Обожаю клубнику, — обрадовалась Вероника. — Это мои самые любимые фрукты. Они у меня ассоциируются со страстными поцелуями.

— На здоровье, Верочка! — рассеянно кивнул головой Миронов, никак не отреагировав на вторую подсказку.

Женщина помрачнела. Ее начал раздражать убитый вид бывшего любовника, его стенания по упущенным когда-то возможностям и нежелание увидеть то, что у него под носом. Егор заметил перемену настроения спутницы.

— Что это я все о прошлом да о прошлом, — извиняющимся тоном произнес он. — Пойдемте-ка лучше ко мне в гости. Последние десять лет я каждый июль снимаю здесь небольшой домик на Третьей линии. У меня есть бутылочка потрясающего вина марки «Инкерман». Оно мягкое, бархатистое, со сливовыми, цветочными и ягодными нотами, но... если честно, я просто не хочу с вами расставаться.

— А пойдемте! — не стала ломаться Вероника, в самом начале решившая, что этот вечер закончится именно так. Ей хотелось еще раз пережить те эмоции, которые в последний раз она переживала восемнадцать лет назад. Когда вместе с чайками она парила над морем, слышала чарующую музыку божественной флейты, переставала быть земной женщиной, превращаясь в бестелесный цветочный аромат.

В домике Егора они молча выпили вино. Молча разделись. Молча легли в постель. Молча занялись сексом. Не любовью, не интимом, именно сексом, поскольку не было у них больше ни звона резонансных контуров, ни слияния в одно целое, ни кайфа, ни блаженства, ни восторга. Миронов был энергичен, техничен, изобретателен, но... походил не на романтического любовника, а на исправно функционирующую поршневую машину.

Вероника больше не растворялась в Егоре. Она парила НАД и как бы сверху наблюдала за тем, что происходит в постели. Наблюдала, оценивала, анализировала свои ощущения, не уносясь в высшие сферы, как это было в 2003-м.

«Ну почему, почему, почему? — недоумевала Кислярская. — Неужели возраст взял свое и после сорока лет секс уже совсем не тот? А может, все дело в том, что тогда я была совершенно свободной, а сейчас подсознательно испытываю чувство вины перед своим семейством? Не исключено, что меня не отпускает обида на Егора и, как всякая когда-то отвергнутая женщина, я больше не способна на безумие с этим партнером. А может, это нереализованная жажда мести за то, что тогда он не оценил, а сейчас не узнал меня?»

Вероника с теплом подумала о муже, с которым они многое пережили вместе. О том, что совместно пережитое рождает совсем иные отношения, гораздо более прочные, чем страсть. Это — ощущение твердой почвы под ногами, каменной стены, за которую можно спрятаться. Это — наличие рядом второго «я», с которым не нужно лукавить и казаться лучше, чем ты есть на самом деле...

Секс здорово измотал Егора, и он резко отключился, как отключается механическая игрушка, у которой внезапно сели батарейки. Миронов свернулся калачиком и громко захрапел.

Кислярская посмотрела на часы. Если она сейчас вызовет такси, то уже в два часа ночи будет у себя в номере и до отлета домой сможет еще поспать часиков шесть.

Вероника поднялась с постели, оделась и через мобильное приложение своего айфона вызвала такси. Хотела написать Егору записку, но передумала. Вместо нее на прикроватной тумбочке оставила их совместную фотографию на фоне пещеры «Трехглазка», сделанную за пять минут до первого поцелуя.

По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.
Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне⁷, —

сокрушенно вздохнула она, глядя на спящего Миронова.

Это была большая жирная точка. Свой гештальт Вероника окончательно закрыла.

Спустя сутки ранним утром уборщик пляжа, собиравший на берегу водоросли, почти у самой воды обнаружил стопку аккуратно сложенной одежды: практически новый китайский спортивный костюм, футболку с надписью «Я люблю Крым» и черные пляжные шлепанцы сорок пятого размера. Никаких документов в карманах костюма не было. Была лишь фотография молодой пары, снявшейся на фоне ай-петринской пещеры «Трехглазка». Ее несколько раз показывали по местному телевидению, но никто так и не признал ни в рыжей девушке, ни в высоком худом парне своих пропавших знакомых.

⁷ Геннадий Шпаликов.